

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет
Кафедра английской филологии и перевода

ЕВГРАФОВА Наталия Юрьевна

ТРОПЫ В РЕЧАХ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ
И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Магистерская диссертация

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор кафедры
английской филологии и перевода
Лапшина Марина Николаевна

Санкт-Петербург 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I.....	7
ТРОПЫ В ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ.....	7
1.1. Метафора как категория мысли и языка.....	8
1.1.1. Семантический подход.....	8
1.1.2. Теория концептуальной метафоры.....	11
1.1.3. Процесс метафоризации, сопоставление концептуального и семантического подходов.....	14
1.1.4. Метафора в политическом дискурсе.....	16
1.2. Концептуальная метонимия.....	17
1.2.1. Понятие метонимии.....	17
1.2.2. Метонимия и метафора.....	19
1.2.3. Метонимия в политическом дискурсе.....	22
1.3. Проблемы перевода метафоры и метонимии.....	23
1.3.1. Переводческие трансформации.....	23
1.3.2. Адекватность и эквивалентность.....	25
1.3.3. Западные модели анализа и оценки перевода.....	27
1.3.4. Понятие языковой картины мира.....	29
1.3.5. Особенности перевода метафоры.....	30
1.3.6. Особенности перевода метонимии.....	31
Выводы по Главе I.....	34
Глава II.....	35

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ.....	35
2.1. Ораторское искусство Уинстона Черчилля.....	35
2.2. Когнитивно-дискурсивный анализ речей Черчилля.....	37
2.2.1. Концептуальная сфера «Человек».....	38
2.2.2. Концептуальная сфера «Путешествие».....	40
2.2.3. Концептуальные сферы «Свет» и «Огонь».....	41
2.3. Анализ переводов метафор.....	43
2.3.1. Сценарий иного метафорического проецирования.....	45
2.3.2. Сценарий аналогичного метафорического проецирования.....	48
2.4. Общие закономерности перевода метафоры.....	58
2.5. Метонимии в речах Черчилля.....	60
2.5.1. Часть и целое.....	60
2.5.2. Признаки и целое.....	61
2.5.3. Временно-пространственная соотнесенность.....	61
2.5.4. Причинно-следственные связи.....	62
2.6. Стратегии перевода метонимии.....	62
2.6.1. Полный перевод.....	63
2.6.2. Перевод метонимии другой метонимией.....	63
2.6.3. Перевод метонимии метафорой.....	64
2.6.4. Эксплицирующий перевод.....	65
2.6.5. Опущение.....	66
Выводы по Главе II.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	70
Список литературы.....	72
Список источников.....	78

ВВЕДЕНИЕ

На настоящем этапе подробно разработанные классификации тропов привлекают все меньше внимания исследователей, на первый план выходят теории метафоры и метонимии, предлагающие по-новому взглянуть на данные понятия. Ведущими подходами в исследовании метафоры и метонимии являются семантический и когнитивный. Каждый из них предлагает свои преимущества для анализа. В данной работе делается попытка совместить оба подхода. Представляется, что данные теории тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Когнитивный подход представляется более широким и общим. Он позволяет выявить различия в культурах и способах концептуализации действительности, приоткрывает принципы построения метафоры и метонимии в языке в целом и в политическом дискурсе в частности, дает возможность рассмотреть метафору и метонимию как базовые механизмы построения тропов, а также говорить об особенностях отдельной языковой личности, в данном исследовании – Уинстона Черчилля.

Семантический подход позволяет глубже проникнуть в суть процесса метафоризации и метонимизации на уровне знаков, он позволяет наблюдать, как взаимодействуют элементы метафоры в конкретной группе метафор. Что касается метонимии, семантический подход предлагает наиболее оптимальные методы анализа по сравнению с когнитивным, который остается тесно связанным с интуицией.

В политическом дискурсе метафора и метонимия могут выступать в роли мощного риторического средства, создавая яркую и легко воспринимаемую образность. Речи Черчилля представляют собой кладезь для исследований тропов, а использование новых концепций позволяет выявить особенности, присущие ораторскому искусству У. Черчилля.

Тема данной работы предусматривает рассмотрение проблем при переводе тропов, в основе которых лежит метафора или метонимия.

Совмещение традиционного и когнитивного подхода позволяет по-новому взглянуть и на переводоведческие проблемы.

Переводческие классификации, имеющиеся на данный момент, порой противоречивы и весьма условны, как это признают сами авторы. Единых принципов перевода метафор и метонимии не существует, но возможно выявление некоторых переводческих стратегий, которые при определенных условиях могут оказаться полезными. Этим обусловлена необходимость продолжения исследований в указанном направлении.

Актуальность работы заключается в том, что в ней впервые используется как семантический, так и когнитивный подход для анализа метафор и метонимий в речах Черчилля и их переводоведческих проблем.

Объектом исследования в настоящей работе являются основанные на метафоре и метонимии тропы.

Предметом исследования являются особенности использования данных тропов в речах Черчилля и проблемы их перевода.

В **материал** исследования вошли метафоры из речей У. Черчилля с 1897 по 1942 год. Всего было отобрано и проанализировано 256 блоков, содержащих в среднем по 2-3 метафоры и/или метонимии.

Цель работы заключается в выявлении особенностей ораторского искусства У. Черчилля и рассмотрении проблем перевода метафоры и метонимии с позиций когнитивной лингвистики и семантики, а также определении основных переводческих проблем и стратегий их решения.

В соответствии с поставленной целью в ходе исследования предполагается решить следующие **задачи**:

1) сопоставить семантический и когнитивный подходы к определению, выделению и классификации метафор и метонимий;

2) выявить особенности употребления метафор и метонимий в политическом дискурсе;

3) произвести когнитивно-дискурсивный анализ основанных на метафоре и метонимии тропов в речах Черчилля;

4) выделить основные стратегии для решения проблем, возникающих при переводе указных тропов и стратегии их решения;

5) систематизировать полученные результаты.

Поставленные цели и задачи определили выбор **методов анализа**,

которые включают семантический, концептуальный, когнитивно-дискурсивный и переводоведческий анализ.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и списка использованных источников. Во введении формулируются цели и задачи исследования. В первой главе излагаются и сопоставляются когнитивный и семантический подход к метафоре и метонимии, особенности их функционирования в политическом дискурсе, обосновываются принципы классификации метафор, метонимий и их переводов. Вторая глава посвящена когнитивно-дискурсивному анализу речей У. Черчилля и исследованию проблем перевода метафоры и метонимии как риторического приема, а также выявлению основных переводческих стратегий. В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Глава I. ТРОПЫ В ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

В современных лингвистических исследованиях около десятка тропов классической риторики постепенно сократилось сперва до четырех (метафора, метонимия, синекдоха, ирония), потом трех (метафора, метонимия, синекдоха), и в конце концов до двух (метафора, метонимия). Данная тенденция объясняется развитием теорий метафоры и метонимии в сторону расширения данных понятий и выявления лежащих в их основе

принципов.

Думается, выделение тех или иных тропов обуславливается целями и задачами конкретного исследования и обладает своими преимуществами и недостатками. Важно не забывать, что стилистический анализ должен сводиться не к идентификации тропов как таковых, а выявлению их общего механизма [Арнольд 2010:141]. В этой связи представляется актуальным использование теорий, разработанных в рамках когнитивной лингвистики, а именно теории концептуальной метонимии и метафоры. Следует отметить, что в настоящее время когнитивная лингвистика как целое подвергается критике из-за отсутствия единой концепции и исследовательских подходов [Касевич 2013: 28-36] многие положения перекликаются с гораздо более разработанным традиционным семантическим подходом, что не преуменьшает оригинальность и плодотворность определенных теорий, развивающихся в рамках когнитивистики [Скребцова 2011:232].

Данное исследование не является в чистом виде когнитивным, однако автор находит нужным прибегнуть к теории концептуальной метафоры и метонимии для анализа тропов и отчасти переводоведческих проблем, поскольку полагает, что данные теории позволяют не только выделить значимые особенности стиля оратора и взаимосвязанность выразительных средств, но и проанализировать проблемы перевода под новым углом.

1.1. Метафора как категория мысли и языка.

На сегодняшний день существуют различные подходы к определению понятия метафоры. Наиболее передовым является подход с позиций когнитивистики, который активно развивается зарубежными лингвистами. Такой подход тесно связан с традиционным семантическим подходом к метафоре. Кратко обозначим основные понятия каждой теории и попытаемся связать их для получения более полной картины в отношении метафоры.

1.1.1. Семантический подход

Согласно традиционной точке зрения, метафора обычно определяется

как скрытое (или сокращенное) сравнение, которое осуществляется путем применения названия одного предмета к другому и выявляет какую-нибудь важную черту второго [Арнольд 2002:99]. По И.Р. Гальперину, метафора является способом отождествления двух понятий с помощью отдельных признаков, которые представляются сходными. Сравнение же сопоставляет предметы, понятия, не отождествляя их, рассматривая их изолированно [Гальперин 1958:127] Традиционно метафора разделяется на речевую (оригинальную, авторскую) и языковую (стертую) [Гальперин 1958:127].

Согласно Н.Д. Арутюновой, различие между речевой метафорой и языковой заключается в переходе последней к моносемности [Арутюнова 1978:339]. Речевая же метафора обладает наибольшей оригинальностью и образностью. Чем неожиданней метафора, тем больше внимания она привлекает, но в то же время, тем сложнее может становиться ее понимание. Основными составляющими оригинальной метафоры, по Р. Уэллеку, являются аналогия, двойное видение, чувственный образ, наделение человеческими чувствами. Все четыре компонента сочетаются в разных пропорциях [Wellek 1949:202]. И.В. Арнольд отмечает, что аналогию не следует понимать слишком буквально, так как поэтическая метафора одновременно подсказывает и различие между двумя планами [Арнольд 2002:100]. Рассуждая о речевых метафорах, И.Р. Гальперин среди прочего замечает, что такие метафоры могут быть туманными, поэтому их часто используют символисты [Гальперин 1958:126]. Благодаря многозначности такая метафора лучше всего реализуется в поэтической речи, где она выполняет эстетическую функцию [Выготский 1968]. В ораторской же речи множественность интерпретаций не приветствуется, нередко оратор даже прибегает к пояснению использованной метафоры, чтобы достичь наилучшего понимания [Лапшина 2013:35]. В.В. Виноградов пишет, что оригинальная метафора есть «акт утверждения индивидуального миропонимания, акт субъективной изоляции. В метафоре резко выступает

строго определенный, единичный субъект с его индивидуальными тенденциями мировосприятия. Поэтому речевая метафора навязывает читателю субъективно-авторский взгляд на предмет и его смысловые связи» [Виноградов 1945:89]. Поэтому можно утверждать, что характер метафоры определяется не сквозь призму понятий «истинно или ложно», а сквозь призму культурных и личных представлений о некотором предмете.

Иногда метафора не ограничивается одним образом, а реализует несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым образом. Такая метафора носит название развернутой. Дополнительные образы связаны с центральным образом разного рода отношениями. Их можно назвать метонимическими связями развернутой метафоры. Имеются, однако, такие развернутые метафоры (*prolonged or sustained metaphor*), в которых нет центрального образа [Гальперин 1958:125]. Развернутая метафора чаще всего используется в целях оживления уже стершейся или начинающей стираться образности [Там же: 126].

Следует помнить, что на интерпретацию метафоры в значительной степени влияет контекст. М. Блэк совершенно справедливо отмечает, что метафора вне контекста не существует. Он приводит в пример знаменитую фразу У. Черчилля, в которой он назвал Муссолини *that utensil* 'этот пустой горшок' (*букв.* 'посуда, утварь'), та интонация, словесное окружение, исторический фон, пишет М. Блэк, — все способствовало правильному пониманию этой метафоры [Black 1990:157]. Сходное понимание механизма метафоры как контекстуально зависимого образования можно найти у Л.Ф. Тарасова, Г.В. Колшанского, Х. Вайнриха [Тарасов 1980; Колшанский 1980; Вайнрих 1987]. И.Р. Гальперин также пишет о необходимости контекста, в котором члены сочетания, выступающие только в одном предметно-логическом значении, уточняют метафору [Гальперин 1958:125]

Изучение метафоры в рамках семантического подхода получило развитие в работах А. Ричардса и М. Блэка. А. Ричардс ввел в теорию метафоры термины «tenor», представляющий собой субъект метафоры, которому приписываются некоторые качества, и «vehicle» - субъект

метафоры, дающий признаки. [Cuddon, J. A. 1998:904]. М. Блэк указывает на то, что в процессе метафоризации участвуют два разнородных референта: первичный или главный субъект (primary, principle subject) – обозначаемое в процессе метафоризации, и вторичный или вспомогательный субъект (secondary, subsidiary subject) – уже существующее в языке наименование. Процесс метафоризации заключается в выборе и организации характеристик главного субъекта с помощью характеристик вспомогательного субъекта [Black 1962: 44-45]. Во время метафоризации происходит актуализация системы ассоциаций, которые в сознании говорящего связаны со вспомогательным субъектом. М. Блэк называет ее «системой общепринятых ассоциаций». Эти ассоциации применяются к главному субъекту метафоры. При этом в системе ассоциаций одни признаки выходят на передний план, а другие затемняются. Получается, что метафора действует как фильтр, который структурирует систему ассоциаций и отбирает те, которые могут быть соотнесены с главным субъектом в данной ситуации или высказывании. М. Блэк полагает, что в системе общепринятых ассоциаций может быть полуправда и даже ложные сведения, но для метафоры важна не истинность ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании. Этим объясняется то, что метафора, понятная в одной культуре, может оказаться абсурдной в другой.

В общем и целом, в семантическом подходе метафора представлена не только как языковая данность, но и как некий процесс, в результате которого происходит обогащение языка специфическими и общими значениями. Главное отличие речевой метафоры заключается в ее субъективности и многозначности, предполагающей множественность интерпретаций, языковым же метафорам присуща моносемность. При рассмотрении метафоры необходимо учитывать контекст, личностный фактор и языковую картину мира, которая является не зеркальным отображением мира, а именно картиной, то есть интерпретацией, и зависит от призмы, через которую совершается мировидение [Дехнич 2005: 561]. Роль такой призмы успешно

выполняет метафора [Телия 1988]. Г.Н. Складарская пишет, что «...метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент языковой картины мира, но заполняет все ее пространство» [Складарская 1993: 79].

1.1.2. Теория концептуальной метафоры

Перед изложением теории концептуальной метафоры стоит отметить, что в отечественном языкознании многие из положений, развитых в западных концепциях, были известны давно. Так идея связи языка и мышления в трудах отечественных лингвистов сомнению не подвергалась, а регулярность языковых переосмыслений в зависимости от некоторого исходного образа постулировалась задолго до Дж. Лакоффа такими исследователями как В.Г. Гак, Р.Б. Аперсян, Н.Д. Арутюнова. Т.Г. Скребцова подчеркивает наличие поразительных параллелей в исследованиях отечественных семасиологов и западных когнитивных лингвистов [Скребцова 2011:31], приводя в пример статью В.А. Успенского «О вещных коннотациях абстрактных существительных» 1979, содержание которой поразительным образом схоже с тем, что излагается в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В то же время отмечается и принципиальная разница в методах: в западной когнитивной лингвистике широко используется интроспекция и опрос испытуемых, тогда как в отечественной семантике основным методом является анализ лексической сочетаемости [Рахилина 2000: 16]. Обращается внимание на обособленность отечественной традиции, в которой возникло «национальное» направление когнитивистики в России, занимающееся концептами и концептосферами, к которому относятся В.А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др. В основу данного исследования положены концепции западных лингвистов, тем не менее, они перекликаются и дополняются результатами исследований отечественной лингвистики.

Одним из первых, кто заговорил о метафоре как категории мысли в западной лингвистике, был М. Редди [Reddy 1979]. Именно он стал развивать идею о том, что метафора является неотъемлемой частью человеческого

видения мира и способом его познания. Дж. Лакофф, М. Джонсон и М. Тернер подчеркивают тот факт, что метафора как феномен языка и речи является следствием существования метафоры в мышлении, поскольку сама мысль человека по своей природе метафорична [Lakoff 2003], [Lakoff 1999], [Lakoff, Turner 1989]. На основании этого положения была разработана теория концептуальной метафоры (ТКМ). Согласно данной точке зрения, метафора является не просто категорией языка, а способом мышления, который охватывает в первую очередь обыденную жизнь. Так, метафора помещается в центр семантики обыденного языка и делает изучение художественной метафоры своего рода расширением теории языковой метафоры [Lakoff 1992:2]. Вслед за М. Редди в центр внимания Дж. Лакофф ставит языковую метафору, подчеркивая, что само разделение языка на буквальный и художественный неверно [Lakoff 1992:2].

В терминологии Дж. Лакоффа метафора – это «концептуальное проецирование», иными словами переложение признаков одного понятия на другое [Lakoff 1992:6]. Конкретное высказывание, основанное на таком переложении, он называет метафорическим выражением (*metaphorical expression*). Обращая внимание на универсальность концептуальной метафоры [Lakoff 1992:38], данная теория, однако, не развивает вопросы вариативности метафоры. В этом направлении теорию Дж. Лакоффа М. Джонсона логично дополнил З. Ковечеш [Kovescses 2005]. В своем исследовании он развивает теорию примарной метафоры (ТПМ), основателем которой является Дж. Грейди [Grady 1997]. Теория примарной метафоры продолжает теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. По предположению авторов теории концептуальной метафоры, содержание нашего мышления (существующие в нем понятия и системы понятий) предопределяется физическими ощущениями и телесным опытом, которые широко используются в метафорических процессах. Это предположение получает развитие в концепции Дж. Грейди, согласно которой телесный опыт человека становится источником примарных, или

примитивных, метафор (primary or primitive metaphors), которые, объединяясь друг с другом, формируют комплексные метафоры (compound or complex metaphors). Согласно З. Ковечешу, именно на уровне таких метафор и наблюдается наибольшая вариативность, поскольку концептуальные (примарные) метафоры во многих языках совпадают, однако в различных языках они находят разное выражение в силу тех или иных причин [Kovescses 2005: 82]. Рассуждая о вариативности метафоры, З. Ковечеш, отмечает, что в разных языках перекрестное проецирование может происходить по-разному в зависимости от соотношения областей исходного домена и домена-источника, в разных культурах при совпадении многих концептуальных метафор наблюдается различное их воплощение ввиду особой сочетаемости между элементами источника и цели. [Kovescses 2005:82] Поэтому-то вариативность метафоры чаще наблюдается на уровне комплексных метафор, а не примарных. Резюмируя теорию З. Ковечеша, можно выделить следующие виды метафоры: 1. Метафора, основанная на конвенциональной метафоре (т.е. наблюдается сохранение исходного и целевого домена концептуальной метафоры), 2. Метафора, имеющая конвенциональный целевой домен, но оригинальный исходный. 3. Метафора с двумя оригинальными доменами (очень редко встречается даже в поэзии). [Kovescses 2005:86-87]

1.1.3. Процесс метафоризации, сопоставление концептуального и семантического подходов

Вместо субъектов метафоры, как это принято в семантической традиции, Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют исходный домен (source domain) и целевой домен (target domain). В процессе метафоризации, согласно их теории, некоторые области целевого домена структурируются по образцу источника, другими словами, происходит «метафорическая проекция» (mapping) [Lakoff 1989,1999,2003]. На уровне языка происходит то, что Н.Д. Арутюнова и И.Р. Гальперин описывают как предикацию. Оба

подхода отмечают при метафоризации движение от абстрактного к конкретному. Создатели теории концептуальной метафоры подчеркивают тот факт, что метафора является когнитивной операцией, предназначенной для осмысления абстрактных, нечетких понятий с помощью понятий конкретных, имеющих перцептивную основу и тем самым более четких [Lakoff 1992], о чем упоминалось и в связи с семантическим подходом.

По сравнению с семантической теорией, в ТКМ примечательно то, что как операция мышления метафора уподобляет не только отдельные концепты, но и целые домены, или широкие понятийные области, включающие различные тематически близкие концепты. Это позволяет в частности объединять и категоризировать целый ряд произведений одного автора [Пацора 2013], выявлять когнитивные особенности языковой личности. В ТКМ снимается разделение метафоры на языковую и речевую, однако и в рамках данной теории можно выделить метафоры, отличающиеся большей или меньшей степенью оригинальности. Так, есть ряд метафор, основанных на конвенциональных метафорах, которые регулярно функционируют в языке, а есть и метафоры, которые задействуют нестандартные концептуальные домены и создают совершенно новые и неожиданные образы.

Преимущество когнитивного подхода заключается в обращении к контексту, в том числе к фоновым знаниям, без которых невозможна верная интерпретация метафоры – и Дж. Лакофф, и З. Ковечеш, и Дж. Чартерис-Блэк неоднократно упоминают о важности контекста в понимании метафоры, близости понимания процесса метафоризации. Также связь когнитивной теории метафоры с семантическим подходом просматривается в том, что в рамках обоих подходов метафора организует и регулирует наше мировосприятие, «высвечивая» и подчеркивая одни черты, «затемняя» при этом другие. Этот момент оказывается важным, если мы говорим о переводе метафор в политическом дискурсе, так как это свойство метафоры активно используется политиками для создания мифа.

Однако в ТКМ метафора рассматривается шире, чем в семантическом

подходе. Исследователи склонны принимать сочетания с союзом «как» в качестве метафорических, где «как» является маркером «сравнительной метафорической конструкции» [Глазунова 2000: 165], в когнитивной же лингвистике троп, в котором имеется формальный показатель компаративности, и метафора, признаком которой традиционно считается отсутствие указанных показателей, относятся к числу широко понимаемых метафор [Чудинов 2004: 92]. Думается, что этот вопрос может решаться и тем и другим способом, однако следует согласиться с И.Р. Гальпериным в том, что метафора есть не столько уподобление, сколько отождествление, она сильнее сравнения в этом плане, так как утверждается не то, что X подобен Y, а то, что X есть Y. [Гальперин 1958:124] Как справедливо отмечает В.Н. Вовк, эффект и сила образности намного больше в случае полного отождествления, чем при наличии сравнительных слов. [Вовк 1988:131] Соглашаясь с А. Вежбицкой и Е.Б. Рябых в том, противопоставление семантического (традиционного) и когнитивного взглядов непродуктивно [Вежбицкая 1997: 201], мы полагаем, что когнитивный подход и семантический, хотя и отличаются методами, а зачастую и целями, могут дополнять друг друга.

1.1.4. Метафора в политическом дискурсе

Согласно Дж. Чартерису-Блэку [Charteris-Black 2011], как риторический прием метафора имеет своей целью наглядно что-то проиллюстрировать (чем нагляднее метафора, тем она убедительнее, привлечь внимание к проблеме, образовать контакт с аудиторией). Проанализировав корпуса речей разных ораторов, Дж. Чартерис-Блэк отмечает, что метафоры политиков создают определенный миф, согласующийся с их взглядами и целями. Он также обращает внимание на важность контекста метафоры [Там же: 50], о роли которого мы уже писали выше. П. Чилтон пишет, что цель политического дискурса – продвижение точек зрения, убеждение аудитории в правдивости своих слов [Chilton 2004: 33]. Метафора выполняет данные функции с

помощью эмоциональной информации [Алексеева 2004:299], которая доносится посредством образа. Дж. Лакофф отмечает, что политики предпочитают активизировать в своих речах конвенциональные метафоры, потому что они понятны широкой аудитории, например, «Nation is a family» [Lakoff 2002:154], в отличие от поэтического дискурса, где зачастую самоцелью является создание оригинальной метафоры.

Примечательно, что с течением времени даже доступные для понимания оригинальные метафоры становятся стертыми. Дж. Чартерис-Блэк приводит в пример метафору «iron curtain». Это когда-то оригинальная метафора настолько укрепились, что используется во всем мире.

Выбор конвенциональной метафоры часто продиктован политическими и экономическими целями [Lakoff 1991]. Так как политические проблемы абстрактны и часто запутаны, их легче представить в виде метафоры понятной всем [Mio 1997:113-133]. Поскольку люди не могут учитывать все аспекты политики, возникает необходимость в упрощении данных вопросов, и тогда те или иные потери неизбежны. С помощью правильно подобранных языковых средств автор может представить ситуацию в выгодном для себя свете. Если вспомнить, что в процессе метафоризации что-то высвечивается, а что-то затемняется, то в метафоре «iron curtain» явно скрывается «деятель»: непонятно, кто создал этот занавес, создается впечатление, что он возник сам собой [Charteris-Black 2011:34]. Это замечание важно, так как показывает, какую роль играет высвечивание тех или иных элементов. Дж. Чартерис-Блэк также утверждает, что в политическом дискурсе метафора может быть использована для идеологических целей, так как она активизирует подсознательные эмоциональные ассоциации и способствует созданию мифа [Charteris-Black 2011:28].

Таким образом, метафора является неотъемлемым элементом политического дискурса, в котором ее главная роль заключается в создании яркой, запоминающейся и легко расшифровывающейся образности, которая способствовала бы достижению нужного прагматического эффекта и отображала бы в лаконичной и доступной манере взгляды оратора.

1.2. Концептуальная метонимия

1.2.1. Понятие метонимии

Традиционно метонимия определяется как фигура речи, где один предмет или явление заменяется другим на основании их смежности. [Peters, 2003; Wendland, 2003]. Когнитивный подход стал рассматривать метонимию не только как языковую данность, но и как способ мышления и концептуализации. В терминах Дж. Лакоффа и М. Джонсона метонимия – это концептуализация одного посредством его отношения к другому» [Lakoff and Johnson 1980:39]; берется понятный или легко воспринимаемый признак предмета и используется вместо этого предмета как целого или вместо другого признака или части этого предмета [Lakoff 1987:77]. Некоторые исследователи рассматривают даже иронию как концептуальную метонимию, использующую определенный концепт для выражения обратного ему концепта [Vosshagen 1999]. Еще дальше пошли Г. Радден и З. Ковечеш, утверждающие, что слова – знаковые метонимии, в которых форма слова метонимически замещает обозначаемый концепт. [Radden and Kövesces 1999: 24]. Метонимию они определяют как когнитивный процесс, при котором одна концептуальная сущность обеспечивает ментальный доступ к другой, находящейся с ней в рамках одной идеализированной когнитивной модели (ИКМ) [Radden and Kövesces 1999: 21]. ИКМ – понятие, введенное Дж. Лакоффом, под которыми в когнитивной лингвистике понимаются сложные структуры представления знаний в виде гештальта [Lakoff G. 1990: 68-69]. По Дж. Лакоффу, в случае метонимии оба элемента должны принадлежать одной ИКМ, тогда как в метафоре задействованы разные ИКМ.

В когнитивной лингвистике главное отличие метафоры от метонимии заключается в том, что в случае метафоры проецирование происходит в рамках двух доменов, а в случае метонимии задействован один домен. (Lakoff and Turner 1989, Croft 1993 and Kövesces and Radden 1998). Такой подход, как справедливо подчеркивает Б. Уоррен, очень близок к традиционному, в котором метафора основана на нахождении сходства в различии, а метонимия

основана на смежности [Warren 2006:18]. Есть другая точка зрения, согласно которой проецирование в метонимии происходит между двумя разными концептуальными доменами, принадлежащими одной доменной матрице [Croft 1993]. Однако, по сути, принципиальной разницы здесь нет. В лингво-когнитивном подходе проблемы возникают в связи с тем, что определить границы доменов оказывается не так просто. А поэтому не всегда удается с уверенностью сказать, является ли данное выражение метафорой или метонимией.

В связи с этим было введено понятие метафтонимии. О.С. Шарманова отмечает возможность взаимодействия метафоры и метонимии в пределах одной концептуальной системы, когда при проекции одного концептуального домена на другой активизируется какой-либо сегмент доменов, который переосмысливается как смежный. Такая интеграция метафоры и метонимии называется метафтонимией [Шарманова 2012:7-8] Тем не менее, и подобный подход не оказывается достаточно четким из-за расплывчатости и субъективности доменных границ. Здесь упор все равно делается на интуицию.

Термины *источник* и *цель* введены когнитивными лингвистами для анализа метафор. В отношении метонимии удобнее пользоваться терминами *эксплицитный* и *имплицитный* элемент, поскольку цель в метонимии (предполагаемая интерпретация) включает не только имплицитный элемент. Важным оказывается то, что метонимия, в отличие от метафоры, эксплицирует признак имплицитного целого [Warren 2006:4]. Б. Уоррен разделяет метонимию на пропозициональную и референциальную. Первый тип укладывается в схему «если верно А, то верно и Б», т.е. когда упоминание об А автоматически передает Б. Что касается референциальной метонимии, то здесь говорящий предполагает, что упоминание признака, актуального в данном контексте, позволит слушающему идентифицировать предмет(ы) [Warren 2006: 10]. Именно такой вид метонимии интересует нас в данном исследовании, поскольку обладает наибольшим риторическим потенциалом.

1.2.2. Метонимия и метафора

Широко признается тот факт, что метафора и метонимия – это разные тропы, однако также не отрицается и то, что не всегда ясно, как классифицировать то или иное выражение. В метонимии эксплицитный элемент (источник) и имплицитный (цель) объединяются в референциальной единице, тогда как в метафоре источник вытесняется целью [Dirven 1993:6, 14]. Получается, что эксплицитный элемент в метафоре теряет свое конвенциональное значение и референцию, а в метонимии конвенциональное значение остается прежним, но теряется референциальная способность, поскольку он выступает в функции модификатора имплицитного элемента. Роль эксплицитного элемента в метафоре заключается в содержании признаков, некоторые из которых определяют цель. А признак, выражаемый эксплицитным элементом в метонимии, соотносится с целью как таковой, источник же в метафоре только частично соотносится с целью [Warren 2006:14]. Важнейшим компонентом метафорической интерпретации является выбор признака, при котором интерпретатор привлекает разнообразные знания об источнике, которые соотносились бы с данным контекстом. Выбранный признак отчуждается от источника и применяется к цели, обогащая смысл и создавая новый [Lakoff 1980].

Любопытная черта метафор состоит в том, что они могут формировать темы, как «Жизнь – это путешествие». Б. Уоррен связывает эту черту с ролью метафорического источника как держателя признаков. Один и тот же источник может быть использован для обозначения разных признаков одной цели в разных контекстах. Среди основных метафор, связанных с политическим дискурсом, выделяются следующие [Lakoff 1991]:

ВОЙНА – это ПОЛИТИКА, ПРОВОДИМАЯ ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ.

ПОЛИТИКА – это БИЗНЕС

ГОСУДАРСТВО – это ИНДИВИД

ВОЙНА – это ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

ВОЙНА – это СОРЕВНОВАНИЕ

Таких тем, в рамках которых могут образовываться разнообразные метафоры, можно выделить очень много, конечного списка не существует. Сам принцип выделения концептуальных метафор основан на интуиции и не систематичен, из-за чего этот подход подвергается критике [Warren 2003, Barcelona 2000, Feyaerts 2000, Riemer 2002].

Метонимии не образуют тем, поскольку источник сам по себе является признаком цели. Однако они образуют паттерны, как «Часть—целое», «Причина-Следствие», «Место-Предмет». Здесь также отсутствует единая исчерпывающая система, однако есть ряд метонимий, которые укладываются в некоторые регулярные паттерны. Паттерны могут быть общими (постоянными и универсальными), а также частными, (изменяющимся, варьирующимся от языка к языку). Общие паттерны включают причинность, расположение во времени и пространстве, составные части и репрезентацию. Наиболее подробные классификации паттернов разрабатывались Г. Стерном (1975) и Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (1980, 1990), однако наиболее законченный вид приобрела система Д. Фасса [Fass 1997], который положил в основу классификаций паттернов семантические роли. В итоге получилась классификация, обобщившая разработки Стерна, Лакоффа и Джонсона:

1. Агент вместо объекта (данная категория включает предшествующие: производитель вместо продукции, контролирующий вместо контролируемого, автор вместо произведения)
2. Объект вместо агента (Учреждение вместо работников).
3. Инструмент вместо агента (Объект вместо пользователя).
4. Инструмент вместо объекта (Вместилище вместо содержимого)
5. Объект вместо объекта. (Часть вместо целого, Признак вместо целого и др)
6. Место вместо агента (Место вместо учреждения, Здание вместо учреждения)
7. Место вместо объекта (Место вместо события)

Если в ТКМ когнитивистами была предложена принципиально новая модель классификации метафор, то в теории метонимии исследователи не далеко отходят от классификаций традиционной риторики. Однако некоторые

исследователи, как Г. Радден и З. Ковечеш [Radden, Kövecses 1999], делают акцент на метонимических отношениях в рамках одной ИКМ, а не типах метонимий в общем. Они выделяют два основных типа отношений:

1. Целая ИКМ и ее части
2. Части одной ИКМ

Для каждой категории предлагаются свои подкатегории, в общей сложности их – 64, но, как утверждают сами авторы, эти списки не являются исчерпывающими.

В данном исследовании метафоры классифицируются по доменам, а метонимии по паттернам, а анализ метонимии происходит в ключе эксплицитного и имплицитного элементов, как это предлагает Б. Уоррен.

1.2.3 Метонимия в политическом дискурсе

Метонимия, как и метафора, может обладать риторической силой, и так же, как и метафора может обогащать лексику, однако есть множество примеров, в которых метонимия не выполняет ни одну из этих функций [Warren 2006:15], и тем не менее, риторический потенциал метонимии сомнению не подвергается. По Дж. Лакоффу, мы используем Б вместо А, поскольку Б легче воспринимается или запоминается, или является более уместным для конкретных целей [Lakoff 1990]. Д. Фасс [Fass 1997] добавляет, что с помощью метонимии можно подчеркнуть тот или иной актуальный признак или что-то скрыть. Так, в метонимии «Агент вместо инструмента» деятель подчеркивается, а в метонимии «Инструмент вместо агента» – затемняется. Другими словами, метонимия используется для активизации тех или иных образов в воображении для привлечения внимания и достижения прагматической задачи, что во многом схоже с функциями метафоры в политическом дискурсе. Примечательно, что встречаются метонимии, которые используются в исключительно риторической функции [Warren 2006:36], когда эксплицитный признак оказывается не столь важен, как емкое и яркое выражение имплицитного элемента, достигаемое с его помощью. Краткость является одним из важнейших достоинств метонимии, которое делает

ее очень популярной в ораторской речи. Особой экспрессивностью, по Б. Уоррен, обладают два типа метонимий, используемых для передачи субъективного отношения:

1. Характеризующие человека через предмет обладания,
2. Характеризующие нечто по оказываемому воздействию.

Метафора и метонимия также могут взаимодействовать для достижения риторического эффекта. Примером взаимодействия метафоры и метонимии могут служить выражения, содержащие метонимическое существительное и метафорический предикат (catch someone's eye) [Warren 2006:40].

В политическом дискурсе метонимия является неотъемлемым инструментом создания доступной образности, выразительности и убедительности. Переводчику важно обращать внимание на функции, которые метонимия выполняет в оригинале для того, чтобы не упустить дополнительные значения в процессе перевода [Salem 2008:58].

1.3. Проблемы перевода метафоры и метонимии.

1.3.1. Переводческие трансформации

В отечественном переводоведении активно используется термин *трансформация*, в широком смысле обозначающий те изменения, к которым переводчику приходится прибегнуть при переводе, иногда в этом значении используется термин *прием* [Основные понятия переводоведения 2010:125]. В западной лингвистике чаще используется термин *стратегия*, однако это более широкое понятие, которое часто соотносится с планами переводчика, направленными на решение конкретной задачи [Krings 1986:18], выбранным алгоритмом действий [Алексеева 2004:322].

В.Н. Комиссаров определяет трансформацию как «преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [Комиссаров 2002:411]. Он выделяет грамматические, лексические и комплексные трансформации. К лексическим трансформациям относятся транслитерация, транскрибирование, калькирование, лексико-семантические замены (модуляция, конкретизация и генерализация).

Грамматические трансформации включают синтаксическое уподобление (дословный перевод) грамматические замены и членение предложения. Комплексные, или лексико-семантические, сводятся к экспликации (описательный перевод), антонимическому переводу и компенсации.

И.С. Алексеева понимает под трансформацией «переводческое преобразование», требующее изменений на лексическом, грамматическом или текстовом уровне [Алексеева 2004:128]. И.С. Алексеева, вслед за Л.С. Бархударовым, выделяют четыре основных типа трансформаций – перестановка, замена, добавление, опущение. К трансформациям перестановки можно отнести изменение порядка расположения частей сложного предложения, порядка слов и словосочетаний. Трансформации замены могут включать замену форм слова, частей речи, членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении, лексические замены (частичная изменение семного состава исходной лексемы, перераспределение семного состава исходной лексемы, конкретизация, генерализация). Добавления и опущения могут быть языковые (обусловленные обязательными требованиями языка) и контекстуальные (требуемые для раскрытия смысла, пояснения). Также выделяются антонимический перевод, заключающийся в преобразовании утвердительной конструкции в отрицательную, компенсация и описательный перевод [Алексеева 2004:158-168]

Т.А. Казакова отдельно рассматривает трансформации для перевода метафор и метонимий [Казакова 2008:237-246, 259-265]. Так, для перевода метафор предлагаются следующие рекомендации:

1. *Полный перевод* при совпадении в исходном и переводящем языке правил сочетаемости, используемых традиций выражения эмоционально-оценочной информации.

2. *Добавление/опущение* в случае различия меры подразумеваемости подобия: необходимость либо экспликации подразумеваемого смысла (прием добавления), либо импликация (прием опущения).

3. *Замена* при лексическом или ассоциативном несоответствии между

элементами метафоры в исходном и переводящем языках.

4 . *Структурное преобразование* в случае различия традиций грамматического оформления метафоры.

5 . *Традиционное соответствие* для метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда в языках сложились разные способы их выражения.

6 . *Параллельное именование метафорической основы* (для текстов, построенных на распространенной метафоре), когда по межъязыковым условиям требуется замена или преобразование исходной метафоры, а по характеру передаваемой информации образ необходимо сохранить.

Для перевода метонимий Т.А. Казакова приводит такие рекомендации:

1 . *Полный перевод* при совпадении языковых и культурных традиций выражения индивидуального свойства.

2. *Структурное преобразование* в случае несовпадения грамматических норм.

3. *Семантическое преобразование* при отсутствии в переводящем языке способа выражения для индивидуального признака оригинала.

4. *Функциональное преобразование* при стилистических несовпадениях.

5 . *Полное преобразование*, восстановление прямого именованя при значительных расхождениях культурных традиций (отсутствие исходного метонимического слова в языке перевода).

1.3.2. Адекватность и эквивалентность

Одним из важнейших направлений современного переводоведения является разработка принципов оценки качества перевода и методов его анализа. Особое место здесь занимает вопрос о соотношении понятий *адекватности* и *эквивалентности*. В отечественном переводоведении их принято противопоставлять, но происходит это в соответствии с разными принципами.

Так, В.Н. Комиссаров рассматривает понятие адекватности как синоним «хорошего перевода», который обеспечивает успешную коммуникацию в заданных условиях. Эквивалентность понимается как степень смысловой общности оригинала и перевода. В.Н. Комиссаров дает следующее

определение: «эквивалентность — это максимально возможная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала» [Комиссаров 1980: 152-153]. Выделяется несколько уровней эквивалентности. Так, на уровне *цели коммуникации* наблюдается наименьшая смысловая общность. Уровень *идентификации ситуации* дополняется сохранением предметной ситуации, хотя изменяется способ ее описания. На третьем уровне, который характеризуется общностью «способа описания ситуации», сохраняются понятия, с помощью которых ситуация описывается. Четвертый уровень предполагает схожесть синтаксических структур, а пятый подразумевает сохранение всех основных частей содержания [Комиссаров 1980: 59—100]. В установлении эквивалентности отмечается ведущая роль цели коммуникации, что соотносится с тем, что у А.Д. Швейцера называется «эффектом коммуникации» [Швейцер 1988: 82]. В.Г. Гак и Ю.И. Львин [Гак, Львин 1970] разработали трехуровневую модель эквивалентности, в которой выделяются формальный, смысловой и ситуационный виды эквивалентности. Формальный уровень предполагает использование аналогичных языковых форм, смысловой – различные способы выражения одних и тех же значений, а ситуационный – различный набор элементарных сем, описывающих одну и ту же ситуацию. Теория эквивалентности А.Д. Швейцера [Швейцер 1988:83-37] включает синтаксический, семантический и прагматический уровни. На синтаксическом уровне одни единицы заменяются другими при сохранении синтаксического инварианта. Семантический уровень включает смысловой и ситуационный вид эквивалентности, он подразделяется на компонентный подуровень, при котором сохраняется компонентная (семная) структура высказывания, и референциальный, при котором используются различные, но семантически соотнесенные единицы для построения семантически эквивалентных высказываний. Все уровни эквивалентности подчиняются главному виду эквивалентности – прагматическому, поскольку он охватывает такие факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата, которые считаются приоритетными.

Д. Г. Шаталов предлагает основанную на уровневой системе В.Н. Комиссарова классификацию эквивалентности перевода метафор и сравнений, выделяя на каждом уровне соответствующие трансформации. [Шаталов 2007]. Так, на первом (низшем) уровне эквивалентности может наблюдаться *деметафоризация*, когда переносное значение передается буквальным с потерей образа, *метафоризация*, когда буквальное значение передается переносным с созданием образа, и *реметафоризация*, когда переносное значение передается переносным с заменой образа. Второй уровень включает случаи перевода метафоры с сохранением образа, изменением описания ситуации, который осуществляется путем метонимических трансформаций. Третий уровень эквивалентности характеризуется передачей переносного значения переносным с сохранением образа и способа описания ситуации, но различной экспликацией сем. Четвертый уровень отличает, при одинаковой выраженности сем, разная функционально-стилистическая закрепленность и эмоционально-экспрессивная окраска метафор. На пятом уровне эквивалентности достигается *абсолютная эквивалентность*, поскольку соблюдаются все четыре условия. Автор отдельно рассматривает нулевой уровень эквивалентности, при котором происходит намеренное опущение метафор оригинала [Шаталов 2007:154-159]

1.3.3. Западные модели анализа и оценки перевода

В западной лингвистике большое место занимает вопрос о создании модели анализа и оценки перевода, однако до сих пор наблюдается недостаток моделей, которые не вызывали бы проблем на практике. Среди подходов по данной теме можно выделить несколько основных.

Менталисты, такие как Дж. Фодор [Fodor 1998] и Р. Джекендофф [Jackendoff 1992] рассматривают перевод как индивидуальный творческий акт, зависящий от интуиции и субъективной интерпретации, поэтому и оценка перевода зависит от тех же факторов и заключается в общем

суждении о корректности перевода. *Бихевиористы* предприняли попытку создать более конкретные и научно обоснованные инструменты оценки перевода. Для этого они сфокусировались на реакции читателя как критерии. Так возникло понятие «динамической эквивалентности» Ю. Найды [Nida 1964], которая предполагает эквивалентность эффекта, произведенного на получателей оригинала и перевода. Однако сам метод оценки перевода оказывается не очень удобным для широкого применения на практике и подходит больше для экспериментальных исследований [McAlester 1999:173]. Авторы *скопос-теории* (Х. Фермеер, К. Райс) основываются на функциональной эквивалентности. Главным критерием оценки перевода здесь выступает достижение коммуникативной цели, заданной отправителем перевода [Katherine Reiss 2000, Hans Vermeer 1998]. Данная теория подвергается критике в связи с тем, что, по мнению переводоведов, цель должна соотноситься с намерениями автора, а не отправителя перевода или заказчика [Nord 1997:125]. Иначе получается, что переводчик может руководствоваться тем, что он сам понимает под целью текста [House 2001]. Ньюмарк [Newmark 2000] предлагает более универсальную систему оценки перевода, из которой можно выбрать критерии, подходящие для конкретного случая. Сначала анализируется оригинальный текст на предмет авторского замысла, целевой аудитории, языкового выражения и развиваемых тем. Следующий шаг заключается в определении потенциальных проблем, затем оригинал и перевод сравниваются для того, чтобы посмотреть, как переводчик справился с данными проблемами. Далее делается заключение о референциальной и прагматической точности перевода и его роли в языке перевода.

Тем не менее, единой системы критериев так и не разработано, и оценивающему перевод зачастую приходится разрабатывать свою модель оценки, подходящую для данного случая [Salem 2008:23].

1.3.4. Понятие языковой картины мира

Другим важнейшим понятием современного переводоведения является понятие *языковой картины мира*. В самом широком смысле картина мира – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [Попова, Стернин 2007:4].

Идея о связи языка и умственной деятельности восходит еще к В. Гумбольдту [Гумбольдт 1984], на ее основе были разработаны концепции о том, что различия в языках определяют особенности мышления языковых общностей. Так, по Л. Вейсгерберу, различие языков – это проявление различия взглядов на мир [Weisgerber: 1973]. Именно он разработал гипотезу лингвистической относительности, которая потом в разных ключах развивалась Э. Сепиром и Б. Уорфом. Согласно сильной тенденции (строгой), которую развивал Б. Уорф, язык является средством существования мышления, а, следовательно, лингвистические категории определяют когнитивные [Уорф 1960]. Слабая тенденция (мягкая) разрабатывалась Э. Сепиром, который выступает против жесткого детерминизма и говорит о том, что языковые особенности могут только предрасполагать носителя к выбору определенного способа мышления и поведения [Сепир 1993]. Гипотеза Б. Уорфа подвергалась критике, так, справедливым представляется аргумент о том, что сознание человека гораздо богаче суммы значений языковых единиц, которые представляют сознание и используются в речи [Панфилов 1977]. М.Н. Лапшина замечает, что различия в языковой категоризации действительности не столь разительны, чтобы мешать носителям разных языков понимать друг друга, и факт возможности перевода с любого языка (за исключением некоторых нюансов) опровергает мысль об уникальности мыслительных процессов носителей разных языков [Лапшина 1998:133-134]. Однако нельзя отрицать влияние языка на мышление, наши представления о мире и в известной степени на умственную деятельность. Языки создают свою специфическую картину мира, важнейшим компонентом которой выступает неповторимость образных средств [Лапшина 1998:137].

Разница в картинах мира обуславливает ряд переводоведческих проблем, в том числе с ней связано существование так называемых *лаун*. Ю.С. Степанов определяет лауны как «пробелы» на семантической карте языка [Степанов 1965:120]. И.А. Стернин предлагает считать лауной отсутствие единицы в одном языке, при ее наличии в другом. Нас будут интересовать так называемые межъязыковые лауны, которые представляют собой единицы, не имеющие переводных соответствий. Они могут быть лексическими и стилистическими. Однако практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство возможности компенсации любой лауны [Попова, Стернин 2007:22-30].

1.3.5. Особенности перевода метафоры

Перевод метафор — это многоуровневый процесс, цель которого состоит в отыскании в языке перевода равноценных элементов на соответствующих уровнях функционирования художественной речи, содержательная и эмоциональная ценность которых находилась бы в эквивалентных отношениях с метафорами оригинала [Федоров 1983]. Метафоры языков не совпадают по фреймо-слотовому составу [Красильникова 2005]. Главные трудности возникают тогда, когда метафоры не совпадают качественно, концептуально. «Метафора «поставляет» мышлению список возможных альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Для политического дискурса это оказывается чрезвычайно важным, ведь ошибки и неточности в переводе метафорических моделей могут существенно исказить коммуникативную установку автора исходного текста» [Баранов 2007:155-157].

Принимая это во внимание, будет целесообразно обратиться к «гипотезе когнитивного перевода» (Cognitive Translation Hypothesis). В соответствии с гипотезой, предложенной Н. Мандельблитом [Mandelblit 1995], выделяется два основных сценария перевода метафор. Первый называется «*Сценарий аналогичного метафорического проецирования*»

(similar mapping condition, далее SMC). Этот сценарий обычно используется тогда, когда между метафорами оригинального текста и его перевода не происходит концептуального сдвига. Вторым сценарий называется «*Сценарий иного метафорического проецирования*» (different mapping condition, далее DMC). Такой сценарий, как правило, применяется в условиях концептуального сдвига между метафорой исходного текста и соответствующей ей единицей в переводе. Данный сценарий нередко вызван проблемой межъязыковых лагун, которые представляют собой единицы, не имеющие переводных соответствий. Они могут быть лексическими и стилистическими. Однако практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство возможности компенсации любой лагуны [Попова, Стернин 2007:30].

При дальнейшей классификации в каждом из названных сценариев обнаруживается ряд вариантов, связанных с использованием различных языковых средств. В случае использования SMC концептуальная метафора полностью сохраняется, хотя метафорическое выражение может быть конкретизировано или же генерализовано, часто используется соответствующее лингвистическое выражение; DMC представляет собой использование иной концептуальной метафоры, что закономерно требует других языковых средств.

1.3.6. Особенности перевода метонимии.

Большинство исследований [Kemei and Wakao 1992, Seto 1996, Charteris-Black 2003], посвященных переводу метонимий, подтверждают положение о том, что довольно большое количество метонимий универсальны, поэтому переводимы. Из этого следует, что, по крайней мере, некоторые могут переводиться буквально. Переводимость метонимии определяется, таким образом, степенью ее универсальности. Исследования также доказывают [Frisson and Pickering 2003], что даже когда буквальный перевод вводит новую метонимию в язык перевода, она может легко

восприниматься, если контекстуально исключается буквальное ее понимание и если она принадлежит к уже имеющемуся в языке паттерну.

Среди стратегий перевода выделяются [Samuel and Frank 2000] буквальный перевод и эксплицирующий перевод. Первая стратегия сохраняет оригинальную образность, однако может повлечь за собой смысловые потери или неестественность звучания. Вторая стратегия эксплицирует всю имплицитную информацию, полностью сохраняет смысл, но может привести к потере выразительности и образности. Третий тип стратегий [Larson 1998] предполагает буквальный перевод и экспликацию, когда оригинальная метонимия переводится, а затем поясняется ее значение. М. Ларсон предлагает данную стратегию в том случае, если метонимия несет какую-то эмоциональную информацию или выполняет определенную прагматическую функцию, которая теряется при переводе экспликацией.

Ряд исследователей [De Beaugrande 1978, Gutt 1992] подчеркивают, что экспликация контекстуальной информации в переводе часто ведет к искажению оригинала, лишает читателя возможности порассуждать в заданном направлении, кроме того, как отмечает Р. де Богранд, интерпретация переводчика может быть не единственно возможной. Э. Гутт полагает, что, если перевод метонимии ведет непониманию смысла из-за нехватки фоновой информации у читателя, то такую проблему следует решать с помощью комментария, который бы предоставил необходимую контекстуальную информацию. Исследователи соглашались на том, что метонимия является не только эстетическим средством, что ее функции в тексте оригинала следует идентифицировать и, по возможности, передавать в переводе или, по крайней мере, компенсировать.

Подводя итог вышесказанному, можно выделить несколько стратегий перевода метонимий:

1. Полный перевод
2. Эксплицирующий перевод
3. Полный перевод и экспликация
4. Нулевой перевод
5. Нулевой перевод и компенсация

Выводы по Главе I

1. У когнитивного и семантического подходов к исследованию метафоры и метонимии наблюдается много общего, чем обусловлена их способность друг друга дополнять.

2. С помощью когнитивного подхода удастся выявить различия в культурах и способах концептуализации действительности, принципы функционирования метафоры и метонимии в языке в целом и в политическом дискурсе в частности.

3. Семантический подход объясняет суть процесса метафоризации и метонимизации на уровне знаков, он позволяет наблюдать, как взаимодействуют элементы метафоры в конкретной группе метафор.

4. Как риторический прием метафора направлена на передачу

эмоционально-оценочной информации, привлечение внимания аудитории, создание мифа, продвижение своей точки зрения.

5. Метонимия, как и метафора, может выступать в роли риторического приема, создавая яркую и легко воспринимаемую образность, что очень важно в политическом дискурсе, где автор пытается выразить свою позицию наиболее понятным образом.

6. В политическом дискурсе метафора связана с конвенциональными метафорами, так как они обеспечивают понимание новой метафоры.

7. Метонимии связаны с паттернами, в рамках которых могут образовываться и оригинальные метонимии, называющие и характеризующие предмет с новой стороны.

8. При переводе метафор и метонимий, выполняющих риторическую функцию, акцент должен делаться на передачу эмоционально-оценочной и ассоциативной информации. Переводчику необходимо найти такой эквивалент, который бы служил задачам оратора, заключающимся в формировании определенного отношения к тому или иному предмету.

Глава II ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ

2.1. Ораторское искусство Уинстона Черчилля

To jaw-jaw is better than to war-war.
1954

Уинстон Черчилль (1874 -1965) признается не только выдающимся политиком 20 века, но и одним из самых красноречивых ораторов. В самое трудное время, когда казалось, что все потеряно, он сумел оказать своему народу незаменимую поддержку, вселить веру и мужество. Именно речи периода второй мировой войны привлекают особое внимание

исследователей, политиков и просто интересующихся, ведь они представляют собой важнейшую часть наследия прошлого века, а также являются непревзойденным примером силы слова и ясности мысли в эпоху потрясений. Его уникальность заключается в том, что знаменательные победы он одерживал именно словом, которое в его устах могло произвести ошеломляющий эффект. Многие до сих пор сомневаются в том, что Черчилль сам писал свои речи, однако, по свидетельствам родственников и секретарей, он никогда не пользовался услугами спичрайтеров, и все свои знаменитые речи готовил самостоятельно.

Анализ его речей показывает постепенное развитие и становление Черчилля как оратора. Он был поистине мастером ораторского искусства, неслучайно впоследствии многие политики стремились ему подражать. Черчилль твердо верил в безграничную силу слова, его способность повлиять на людей, заставить их действовать, внушить веру и стойкость.

Его речь, как пишет Чартерис-Блэк, была одновременно и кистью, с помощью которой он живописал картины современности, и дубинкой, с помощью которой отпугивал своих врагов. Благодаря удивительному мастерству, он умел воздействовать на британцев и граждан других стран мира. Не раз отмечалось, что, обращаясь к народу, он будто бы говорил с конкретными людьми, с простыми семьями. Действенность его речей во многом обусловлена тем, что он умел найти такие слова, которые были понятны каждому и вызвали эмоциональный отклик. Ему удавалось достичь этого, в частности, благодаря широкому использованию ярких и запоминающихся метафор. Нередко в его речах сложные политические отношения между странами представлены как отношения между людьми, страны наделяются свойствами человека, а время испытаний изображается как длительное и трудное путешествие, которое обязательно приведет к торжеству идеалов свободы, благородства и справедливости.

Успех речей Черчилля не был случайным. Он скрупулезно составлял и репетировал речи, не жалея сил и времени. Известно, что на подготовку минуты выступления у него уходило около часа. В течение долгих лет он

оттачивал свое мастерство, изучал жизнь и нравы родной страны. В его жизни было много взлетов и падений, они закаляли характер и учили «никогда не сдаваться». О непревзойденной трудоспособности Черчилля говорит и тот факт, что полное собрание его речей насчитывает восемь тысяч страниц. Большая часть речей Черчилля была собрана парламентарием Робертом Родсом Джеймсом и опубликована в 8 томах (Winston S. Churchill: The Complete Speeches 1897-1963). В 2003 году внук Черчилля издал однотомник «Never give in!», который включил в себя наиболее важные речи с 1897 по 1963 год, что дает полноценное представление об ораторском искусстве Черчилля в целом. В 2014 году был издан перевод этой книги на русский язык, многие речи были опубликованы на русском языке впервые, поэтому книга представляет собой замечательный материал для исследователя ораторского мастерства Черчилля.

Его язык афористичен, а некоторые высказывания похожи на поговорки или фразеологизмы, так как в них используются типичные модели, что обеспечивает легкость, с которой они запоминаются. Он знал, как нужно говорить со народом, и использовал свои знания в полной мере. Помимо метафор и метонимий, он широко задействовал фразеологию, повторы, инверсию, гиперболу и другие средства выразительности. Неудивительно, что многие его изречения вошли в фразеологический фонд и цитируются как в Великобритании, так и в других странах. Так, именно благодаря Черчиллю в языки вошло выражение «железный занавес», хотя Черчилль отнюдь не выдумал эту метафору. Она встречается у Герберта Уэллса в «Пище Богов» (1904), у Василия Розанова в книге «Апокалипсис нашего времени» (1917), есть точка зрения, согласно которой именно у него Черчилль и заимствовал эту метафору; есть еще ряд примеров использования этой фразы до Черчилля, а восходит она к Талмуду. Однако именно Черчилль ее популяризовал в теперь широко известном значении.

Стиль Черчилля разнообразен и богат. Его речи отличает глубокая продуманность и логичность, нет ни одного случайного слова. Поэтому,

несмотря на то, что время идет, его речи не перестают производить на нас неизгладимое впечатление.

2.2. Когнитивно-дискурсивный анализ речей Черчилля

В ходе исследования с позиций теории концептуальной метафоры, а также с учетом разработок по метонимии, было проанализировано 18 речей с 1938 по 1942 год, именно к этому периоду относятся, как это принято считать, лучшие речи Черчилля. Стоит, тем не менее, отметить, что многие особенности, ярко проявившиеся в речах данного периода, находим и в более ранних речах, которые можно считать неким подготовительным материалом, который помог Черчиллю развить свой индивидуальный стиль, в полной мере воплотившийся в речах анализируемого этапа.

В речах различные источники и цели выступают взаимосвязано и часто вместе образуют довольно яркую образность. Примеров, в которых задействовано сразу несколько концептосфер – большинство. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2011] определяет их как «гнездовые» (nested) метафоры. В задачи данного исследования входит выявление ведущих доменных матриц, или сфер-источников, которые обеспечивают единство образности.

2.2.1. Концептуальная сфера «Человек»

Большинство метафор в речах Черчилля имеет сферу-источник «человек», что неудивительно, ведь слушателю легче всего воспринять то, что ему самому близко и понятно. С помощью олицетворения удобно апеллировать к эмоциям аудитории и представлять сложные политические вопросы в доступной для широкой аудитории форме. Так, благодаря олицетворению, Черчилль выстраивает контраст между враждующими сторонами и преподносит текущие события, используя следующие концептуальные метафоры:

1. Страна-противник – злодей, 2. Страна-союзник – жертва

Пример 1.

<...> that other enemy who, **without the slightest provocation, coldly and deliberately, for greed and gain, stabbed** France *in the back* in the moment *of her agony*, and is now **marching** against us in Africa.

20 августа 1940

В данном примере в роли страны-противника выступает Германия, а страны-союзника – Франция. Подобные примеры обнаруживают разнообразие человеческих характеристик для создания наиболее эмоциональной картины отношений между странами: *crime, foul, butcher, barbarism, fury, malice, fester, inflame, wound, blood-stained, indignation, noble, lie prostrate* и др. Нередки случаи, когда обе указанные концептуальные метафоры используются вместе. Особенностью многих примеров в данной категории является наличие метонимий, как «*политический лидер вместо страны*» (подчеркнуто) или «*народ вместо страны*» (выделено курсивом):

Пример 2.

Let Hitler bear his responsibilities to the full and let *the peoples* of Europe **who groan** beneath his **yoke** aid in every way the coming of the day **when that yoke will be broken**.

20 августа 1940

Оратор не только дает оценку противнику, но и вызывает острую эмоциональную реакцию у слушателей, осуждающих злодея и сочувствующих жертвам. Среди образов, описывающих Гитлера как лидера вражеской Германии, можно обнаружить следующие: *arch-criminal, ogre, aggressor, barbarian, master* и др. Любопытным представляется тот факт, что при наличии различных метонимий для определения врага («*лидер вместо страны*», «*идеология вместо страны*» и т.п.) в речах Черчилля не распространена метонимия «*германский народ вместо вражеской идеологии*», нередки случаи, когда он противопоставляет народ и торжествующую в стране идеологию, избегая оскорбления народа Германии.

3. Великобритания – герой

Пример 3.

And now it has come to **us to stand alone in the breach, and face the worst that the tyrant's might and enmity can do** . . . here, girt about by the seas and oceans where the Navy reigns; **shielded** from above by the prowess and devotion of our airmen – **we await**

undismayed the impending assault.

14 июля 1940

Данный пример иллюстрирует то, как олицетворение может использоваться для создания положительного образа «героя», здесь его использование направлено на воодушевление аудитории, на то, чтобы вселить мужество, призвать к самоуважению.

Помимо представленных примеров, встречались и те, которые изображали страну-друга, страну-прихвостня Германии и др.

2.2.2. Концептуальная сфера «Путешествие»

Практически во всех проанализированных речах встречаются метафоры с исходным доменом «путешествие», который применяется к таким целям, как:

1. «Война»

Использование источника «путешествие» позволяет сделать акцент на вере в победу, которая ожидает в конце трудного и долгого пути. Все граждане представляются «путниками», идущими вместе к одной цели.

Пример 4.

The road to victory may not be so long as we expect. But we have no right to count upon this. Be it long or short, rough or smooth, we mean to reach our journey's end.

20 августа 1940

В данном примере также можно проследить часто наблюдаемую метонимическую цепочку в использовании местоимения «мы», с помощью которого Черчилль отождествляет себя с народом, а народ выступает в качестве страны в целом.

2. «Историческое настоящее Великобритании»

Риторическая функция данной метафоры заключается не только в сплочении населения, но и в призыве мужественно принимать действительность и стойко проходить через испытания, обрушившиеся на страну.

Пример 5.

<...> they should know that we have sustained a defeat without a war, the consequences of which will **travel far with us along our road**; they should know **that we have passed an awful milestone in our history** <...>.

24 марта 1938

3. «Общая история стран-союзников»

В данном случае нередко происходит одновременное использование метафоры с концептуальной сферой «путешествие» и олицетворения (Государство – человек – путник), что представляет страны не просто как союзников, но и как попутчиков, идущих к одной цели, для достижения которой необходимо действовать сообща.

Пример 6.

<...> the resolute and sober acceptance of their duty by the English-speaking peoples and by all the nations, great and small, who wish **to walk with them**. Their **faithful and zealous comradeship** would almost between **night and morning clear the path of progress** and banish from all our lives the fear which already **darkens the sunlight** to hundreds of millions of men.

16 октября 1940

Данная сфера связана с понятиями пути, вех, испытаний, природных условий, погоды, стихий, катаклизмов, ландшафта, смены дня и ночи. В этой категории наблюдалось использование следующих образов: *milestones, toiling up the hill, crest-line, tides, avalanche, open plain, water springs, sunshine* и др. С помощью этих образов удастся сфокусировать внимание слушателя на определенной стороне вопроса. Интересно отметить, что чаще всего при противопоставлении с врагом, который предстает в разных образах, о Великобритании говорится именно в терминах ее пути к свободе и торжеству общечеловеческих ценностей. В целом, использование метафор с источником «путешествие» призвано внушить надежду на лучший исход, призвать к мужеству и стойкости перед лицом невзгод, а также объединить всех тех, кто идет к одной цели.

2.2.3. Концептуальные сферы «Свет» и «Огонь»

Категория метафор со сферой-источником «свет», безусловно, часто взаимодействует с метафорами со сферой-источником «тьма», благодаря

чему выполняется функция построения контраста. Такие метафоры также тесно взаимосвязаны с другими группами метафор и нередко выполняют вспомогательную или связующую функцию. Наиболее часто сфера-источник «свет» используется для цели «надежда» и может реализовываться совершенно по-разному:

Пример 7.

<...> the **conviction** of final victory **burning unquenchable** in our hearts.

20 августа 1940

Пример 8.

<...> will kindle again **the spark of hope in the breasts** of hundreds of millions of downtrodden or despairing men and women throughout Europe <...>

20 августа 1940

Пример 9.

But it is because I see **the light gleaming behind the clouds and broadening on our path**, that I make so bold now as to demand a declaration of confidence of the House of Commons <...>

27 января 1942

В примерах (7) и (8) наблюдаем взаимодействие с метонимиями «*hearts*», «*breasts*», которые можно классифицировать как «*объект вместо объекта*». В данных примерах они призваны, в частности, усилить образность метафоры. Пример (9) демонстрирует гармоничное взаимодействие концептуальных пространств «свет» и «путешествие», где «свет» метонимически выступает вместо «надежды». В проанализированных речах такое взаимодействие наблюдается довольно часто. Концептуальные сферы «света» и «огня» тесно взаимосвязаны. На основе материала исследования трудно провести между ними четкую границу, можно отметить только что сфера «огня» используется также для определения отрицательных сущностей (ненависть, война):

Пример 10.

Hope has returned to the hearts of scores of millions of men and women, and with that **hope there burns the flame of anger** against the brutal, corrupt invader, and still more fiercely **burn the fires of hatred and contempt** for the squalid quislings whom he has suborned.

26 декабря 1941

В данном примере сфера-источник «*пламя*» используется в первую очередь для цели «*надежда*», затем происходит включение новой цели, которая несколько по-новому структурирует источник: если в случае «*надежды*», акцент делается на «*свете*», то во втором случае – акцентируется «*пламя*». Здесь также можно говорить и о связующей функции метафоры, которая объединяет несколько образов воедино, усиливая тем самым риторический эффект, заключающийся в привлечении внимания аудитории и оказании эмоционального воздействия на аудиторию.

В общем и целом, данная концептуальная сфера отличается довольно ограниченным набором используемых фрагментов сферы-источника и целей и зачастую дополняет другие метафоры, занимающие более сильные позиции. Ее особенностью является регулярное сочетание с определёнными концептуальными сферами (*тьма, путешествие*) и метонимиями, вместе с которыми образуются регулярные и даже универсальные сочетания, так, «*местом*» для «*надежды*», как правило, являются «*heart*», «*breast*», «*soul*».

Рассмотренные группы концептуальных сфер, служат регулярными источниками метафор в речах Черчилля с 1938 по 1942. Несомненно, сфер-источников и сфер-целей гораздо больше, чем мы перечислили. Например, можно было бы выделить отдельно сферу «*океан*» или «*погода*», которые используются, поскольку близки английскому восприятию, но в задачи данного исследования входило лишь обозначить наиболее частотные концептуальные сферы-источники и концептуальные метафоры, с помощью которых они образуются, что, на наш взгляд, может дать представление об общем характере использования изобразительно-выразительных средств в речах данного периода.

2.3. Анализ переводов метафор

Анализ примеров производился учетом применяемых стратегий и используемого сценария на основе речей с 1897 по 1942 гг. Для каждого

примера дается краткий переводоведческий комментарий, затрагивающий, на наш взгляд, наиболее важные аспекты для конкретного случая.

В первой главе отмечалось, что политики предпочитают использовать в своих речах наиболее понятные для целевой аудитории образы, чем обусловлено сравнительно небольшое количество собственно оригинальных метафор, в которых не находила бы выражение какая-нибудь стандартная концептуальная метафора, способствующая быстрому пониманию новой метафоры. Неудивительно, что довольно часто вместо новой метафоры, политики используют стертую метафору, какой-нибудь фразеологизм. Тем не менее, простой фразеологизм вряд ли может произвести сильное впечатление на аудиторию. В связи с этим нередко наблюдаются нестандартное употребление фразеологизма, которое способствует оживлению уже, казалось бы, стертого образа. Происходит это по-разному. В нашем исследовании мы столкнулись с тем, что два и более фразеологизма, в основе которых лежит одна концептуальная метафора, использованные вместе, могут способствовать некоторому оживлению образности, а также с тем, что один фразеологизм может разворачиваться и получать новое звучание.

Отдельного внимания заслуживают примеры перевода речевых метафор, поскольку они отвечают за индивидуальный стиль оратора и в некоторых случаях становятся афоризмами. Речевые метафоры часто представлены развернутыми метафорами, где элементы тесно взаимосвязаны и способствуют раскрытию образности. Оригинальные метафоры, как это уже отмечалось, чаще всего имеют в своей основе некоторую концептуальную метафору, что обеспечивает их легкое понимание и ясность для аудитории. Проблемы перевода авторских метафор точно так же связаны с особенностями концептуализации действительности, как и стертые. При переводе же могут возникать проблемы, связанные с разной ассоциативностью тех или иных метафор, а также проблемы многозначности, когда при переводе с сохранением образа невозможна адекватная интерпретация.

2.3.1 Сценарий иного метафорического проецирования

1. Деметафоризация, передача переносного значения буквальным.

Прием деметафоризации позволяет решить проблему сохранения смысла высказывания без нарушения принципов комбинаторики языка перевода.

Пример 11.

<p>We have got outside the region of words: we have to go to the region of action. We are now in the region of war, and in this war we have not yet arrived at the half-way house.</p>	<p>Нынче не время произносить длинные речи. Все слова давно сказаны, сейчас пора действовать! Мы ведем войну, и ее исход далеко не очевиден.</p>
---	--

23 декабря 1899

Речь относится к периоду, когда Черчилль работал корреспондентом в Южной Африке, освещая события англо-бурской войны. Речь была произнесена после знаменитого побега Черчилля из плена буров. В оригинале разворачивается типичная для английского языка метафора «*Politics is a journey*» в русском языке она также может находить свое выражение, однако в целях достижения наилучшей сочетаемости переводчик прибегает к стратегии деметафоризации. Вместо пространственных терминов используются временные, не создающие определенной образности, но сохраняющие общую логику движения.

Пример 12.

<p>Besides Germany, there is Russia. Russia has made herself an Ishmael among the nations, but she is one of the most titanic factors in the economy and in the diplomacy of the world. Russia, with her enormous, rapidly increasing armaments, with her tremendous development of poison gas, aeroplanes, tanks and every kind of forbidden fruit; Russia, with her limitless manpower and her corrosive hatreds, weighs heavily upon a whole line of countries</p>	<p>Наряду с Германией, опасность для нас представляет и Россия. Эта страна, противопоставившая себя всему миру, имеет колоссальное влияние на международную экономику и политику. Россия, с ее огромной и вдобавок постоянно растущей армией, с ее потрясающими достижениями в области разработки химического оружия,</p>
---	--

	авиации, танковой техники и всех прочих видов вооружений, о которых страшно даже подумать , с ее безграничными человеческими ресурсами и жгучей ненавистью ко всем своим соседям, способна на многое.
--	--

23 ноября 1932

В этой речи Черчилль подвергает критике тот факт, что на фоне всеобщего разоружения идет перевооружение Германии. Он также отмечает опасность России. В оригинале присутствует две образные метафоры, которые отсылают нас к Библии. Как было описано в первой главе, образная метафора эксплицирует только сам вспомогательный субъект, тогда как признаки, служащие основой метафорического значения, не обозначены. Данный пример демонстрирует, как потенциальная неясность того, какие именно признаки подразумеваются в метафоре, может вызвать проблемы при переводе. В английском языке у «Ishmael» есть словарное значение «изгой». Для русскоязычного реципиента образ Измаила может быть недостаточно ясен, а степень информационной неопределенности не упорядочивается контекстом в достаточной мере. Для того, чтобы обеспечить легкость понимания смысла, метафора приносится в жертву, что приводит, конечно, к некоторому обеднению текста и потере отсылок к Библии.

Образ запретного плода в данном контексте в русском языке не совсем уместен по отношению к средствам вооружения. Здесь вскрываются различия в оценке главного субъекта метафоры (вооружения) и проблема невозможности сопоставить главный субъект метафоры оригинала со вспомогательным в языке перевода. Данную проблему переводчик решает путем нейтрализации. Таким образом, мы наблюдаем здесь, как решается проблема сохранения смысла метафоры в условиях различной оценки главного субъекта образной метафоры.

В целом, при сравнении переводов обнаружилось, что английские тексты гораздо метафоричнее переводов на русский язык, хотя ряд метафор

оригинала носит второстепенный характер.

2. **Реметафоризация**, перевод метафоры с заменой образа. Передается не только смысл метафоры, но и интенция автора использовать метафорическое выражение с целью эмоционального воздействия.

Стратегия реметафоризации особенно ярко проявляется в примерах, где разворачиваются фразеологизмы, так как в языках многие фразеологизмы имеют свои аналоги, основанные на другом образе.

Пример 13.

Conservative policy is essentially a tentative policy – a look-before-you-leap policy : and it is a policy of don't leap at all if there is a ladder .	Политика консерваторов всегда осторожна — прежде чем соваться в воду, нужно непременно узнать, где брод, а если брода нет, то лучше остаться на берегу.
--	--

26 июля 1897

Данную метафору Черчилль использовал в своей первой политической речи на благотворительном вечере. В этой речи Черчилль поднимает социальные вопросы. Пример интересен, поскольку метафора передается посредством цитатного речения, основанного на фразеологизме, и далее разворачивается с помощью добавления нового элемента. Черчилль сначала использует фразеологизм в качестве эпитета, а затем дополняет его и расширяет образную основу. Здесь уместно говорить о концептуальном несовпадении, повлекшем за собой преобразование всего высказывания. В русском языке аналогом оригинального выражения «*look before you leap*» является пословица «*не зная брода, не суйся в воду*», которое включает иной образ, поэтому и «*ladder*» в переводе приходится заменять.

Перевод, хотя несет в себе образность и передает общий смысл высказывания, все же несколько искажает мысль. В оригинале метафору можно объяснить так: консерваторы предпочитают действовать осмотрительно и наиболее безопасным образом. В переводе же акцент смещается и получается, что консерваторы вообще не предпринимают никаких шагов, если нет безопасного пути, что отсутствует в образе

оригинальной метафоры, хотя не противоречит главному смыслу. Таким образом, проблема сохранения интенции автора использовать метафорическое выражение решается здесь за счет некоторого смыслового искажения, не меняющего, впрочем, главной мысли.

В общем, можно сделать вывод, что к сценарию иного метафорического проецирования переводчик прибегает с целью наиболее точной передачи общего смысла высказывания, часто это происходит за счет потери образности и эмоционально-оценочной информации, что в зависимости от значимости метафоры в контексте в большей или меньшей степени обедняет текст.

2.3.2. Сценарий аналогичного метафорического проецирования.

Надо отметить, что чаще всего в переводах наблюдается сохранение исходных доменов, среди которых *War*, *Animals*, *Landscape*, *Water*, *Light/Darkness*, *Journey*, *Buildings* и др. Такие исходные домены активно используются в политическом дискурсе как в русском языке, так и в английском. Однако даже при сохранении исходного домена зачастую наблюдаются различия в экспликации элементов метафоры, а также в способе описания ситуации. В отношении стертых метафор и фразеологизмов данный сценарий применяется реже. Это обусловлено тем, что у фразеологизмов в разных языках меньше аналогов с одинаковой образной системой. Но даже при наличии идентичной фразеологической единицы возможны трансформации, направленные на сохранение особенностей нестандартного употребления фразеологизма.

1. Перевод метафоры сравнением.

Как мы уже писали, сравнение и метафора обладают разной силой воздействия. Разница между сравнением и метафорой, состоит в том, что сравнение уподобляет, а метафора отождествляет. Поэтому многие авторы пишут, что сравнение гораздо менее эффектно, чем метафора, и что такой перевод все же нежелателен. Однако, как нам кажется, такая стратегия

обладает важным преимуществом, так как позволяет наилучшим образом передать элементы метафоры, наиболее полно передать заложенную в ней образность и эмоционально-оценочную информацию, не нарушая грамматических и стилистических норм.

Пример 14.

<p>For more than twenty-five years Home Rule has been the adopted child of the Liberal party.</p>	<p>Вот уже более двадцати пяти лет либеральная партия пестует идею ирландского самоуправления, как своего приемного ребенка.</p>
--	---

8 февраля 1912

В рассматриваемой речи Черчилль активно поддерживает идею самоуправления Ирландии. Смысл и образ метафоры в полной мере переданы в переводе. Переводчик стремится как можно более полно раскрыть идею, заложенную в метафоре. Мы сталкиваемся с тем, что оригинальная метафора может быть слишком многозначна для переводящего языка. В данном случае переводчик решает эту проблему путем добавления глагола «пестует», эксплицирующего эмоционально-оценочную информацию.

Данная стратегия часто сопровождается добавлениями, связанными с экспликацией главного субъекта метафоры:

Пример 15.

<p>We have seen the forces of the French and British Armies strong enough not only to contain and check the devastating avalanche which had swept across the French frontier, but now at last, not for an hour or for a day, but for four long days in succession, it has been rolled steadily back.</p>	<p>Мы стали свидетелями того, как соединения французской и британской армий проявили стойкость и остановили натиск немецкой армии, которая хлынула через границы Франции, подобно разрушительной лавине, сметающей все на своем пути. Более того, наши доблестные воины сумели заставить эту лавину повернуть вспять, причем не на какой-нибудь там час или день, а вот уже на целых четыре дня подряд.</p>
--	--

11 сентября 1911

Здесь мы наблюдаем, насколько более подробным оказывается перевод по сравнению с оригиналом. В переводе, в отличие от оригинала, эксплицируется главный субъект метафоры (натиск немецкой армии) и используется ряд добавлений.

Основной причиной изменений, производимых переводчиком, является различное понимание вспомогательного субъекта метафоры, возможность неправильной его интерпретации. Дабы сделать метафору более ясной для носителя русского языка, переводчик прибегает к добавлениям и необходимым структурным преобразованиям.

2. Перевод с изменением способа описания ситуации.

В данной стратегии обнаруживаем метонимические трансформации. Такие трансформации заключаются в изменении способа описания ситуации на основе «ассоциации по смежности» [Швейцер 1988:133].

Чаще всего они заключаются в добавлении и/или функциональной замене.

Пример 16.

If they want to speed up a movement of social reform is it necessary to teach people to dance to their ugly tune ?	Если наши социалисты хотят ускорить темпы внутривнутриполитических реформ, разве обязательно для этого учить народ плясать под отвратительно визгливую дудку социализма?
---	---

11 декабря 1925

В этой речи Черчилль подвергает критике социализм. Первое изменение, которое можно наблюдать в данном примере – это замена «*tune*» на «*дудку*». Однако мы не будем относить это к ведущим переводческим трансформациям в данном случае, поскольку речь идет о фразеологическом соответствии, переводчик не выдумывает, а выбирает соответствие. Данное вынужденное метонимическое изменение вызывает необходимость в других трансформациях, поскольку иначе нарушились бы принципы сочетаемости русского языка. Перед переводчиком стоит задача передать значение «*ugly*», которое в оригинале относится к характеру звука. Переводчик решает эту проблему путем функциональной замены (используя наречие

«отвратительно») и добавляет прилагательное, которое характеризует звук дудки («визгливая»). Это позволяет максимально близко передать значение, заложенное в оригинале и не нарушить комбинаторных принципов.

Пример 17.

<p>I do not say that workmen have not been treated well in the past by the kindness of their employers, but this measure removes the question from the shifting sands of charity and places it on the firm bedrock of law.</p>	<p>Я не берусь утверждать, будто все работодатели — злодеи, и никто из них никогда не проявлял участия и доброты по отношению к своим работникам, однако данная мера призвана превратить зыбкие пески добровольной благотворительности в твердую скалу закона.</p>
---	---

26 июля 1897

Пример характеризуется лексико-семантическими и грамматическими функциональными трансформациями, которые изменяют отношения между элементами метафоры. Если в оригинале объектом служит «вопрос», который можно перенести с зыбкой почвы на твердую путем некой меры, то в переводе возникает образ превращения зыбких песков в твердую скалу. Такой перевод не нарушает образности и помогает отразить нюансы смысла, заложенные в оригинале

Случаи изменения отношений между элементами метафоры достаточно редки и в каждом случае имеют свои особенности. Трансформации, производимые в таких примерах, обусловлены особенностями комбинаторики в языке перевода.

3. Метафоризация

Зачастую при переводе в качестве компенсации используется прием метафоризации. Это способствует поддержанию общего уровня выразительности текста.

Пример 18.

<p>The public mind has been concentrated upon the moral and sentimental aspects of the</p>	<p>Внимание общественности оказалось целиком сосредоточено на</p>
--	---

Nazi conquest of Austria - a small country brutally struck down , its Government scattered to the winds, <...>.	моральных и эмоциональных аспектах, связанных с завоеванием Австрии нацистами, — это небольшое государство повалили на обе лопатки , его правительство разогнали <...>.
--	--

14 марта 1938

Предметом речи является аннексия Австрии. В своих речах Черчилль нередко прибегает к олицетворению, когда говорит о странах. В оригинальной метафоре используется многозначный глагол с послелогом, который значит в данном случае «*повалили ударом*». Нельзя сказать, что образ, который он несет, в полной мере оживляется в контексте. Вспомогательный субъект может только подразумеваться, как это характерно для признаков метафор. Но зная стиль Черчилля, переводчик стремится подчеркнуть олицетворение с помощью добавления элемента «на обе лопатки», благодаря чему вспомогательный субъект выражается через свойственные ему признаки. В переводе не передается последующая метафора «*scattered to the winds*», поэтому можно предположить, что именно эту метафору переводчик и пытался скомпенсировать подчеркиванием олицетворения. В целом, данная стратегия чаще всего используется именно с целью компенсации.

4. Реметафоризация в рамках одного исходного домена.

Бывают случаи, когда вспомогательный субъект метафоры заменяется на очень близкий аналог, благодаря чему не происходит серьезных изменений в образности и эмоционально-оценочной информации. Образ перевода тесно связан с образом оригинала, его использование обусловлено языковыми предпочтениями, обладающими большей ассоциативной силой, нежели точное соответствие. Это иллюстрирует следующий пример:

Пример 19.

<...> and the British workman has more to hope from the rising tide of Tory democracy than	< ... > что от поднимающейся волны консервативной демократии
--	--

from dried-up drain-pipe of Radicalism.	можно ожидать гораздо большего, чем от пересохшей сточной канавы радикализма ».
--	--

26 июля 1897

Вспомогательный субъект «*dried-up drain-pipe*» в переводе передан близким аналогом «*пересохшая сточная канавка*», в этом случае такая замена весьма удачна, так как обладает нужной ассоциативной силой.

Следующим примером мы хотим показать, что даже замена вспомогательного субъекта на близкий аналог может повлиять на общий контекст и привести к невозможности передать другую метафору.

Пример 20.

<p>Why be edged and pushed farther down the slope in a disorderly expostulating crowd of embarrassed States. Why not make a stand while there is still a good company of united, very powerful countries that share our dangers and aspirations? Why should we delay until we are confronted with a general landslide of those small countries passing over, because they have no other choice, to the overwhelming power of the Nazi regime?</p>	<p>Разве можно позволить себе сейчас расслабиться и вслед за другими сбитыми с толку государствами устремиться в страшную бездну, увлекшись бесконечными спорами и раздорами? Почему бы нам не встать единым фронтом, пока на нашей стороне еще остались очень сильные страны, которые готовы разделить друг с другом все опасности и надежды? Почему мы медлим, будто дожидаясь момента, когда малые страны Европы, оказавшись в безвыходной ситуации, покорятся и попадут в сферу влияния могущественного нацистского режима?</p>
---	---

14 марта 1938 года

Метафора взята из речи, произнесенной в палате общин по поводу вторжения немцев в Австрию и беспрепятственной ее аннексии. Исходным доменом оригинала является «*Landscape*». В русском языке метафоры, имеющие в основе такой домен широко распространены. При переводе он сохраняется, однако вместо вспомогательного субъекта «*slope*» в русском

варианте появляется «бездна» в силу того, что данный образ предпочтительнее в русской лингвокультуре для описания данной ситуации. Это также иллюстрирует мысль З. Ковечеша о существовании концептуальных предпочтений [Kovescses 2005]. Однако такая замена приводит к тому, что исчезает образ оползня. Другой вспомогательный субъект, а именно «*landslide*», остается невыраженным, отчего весь отрывок текста перевода теряет единство образа, и сила воздействия несколько падает.

5. Перевод метафоры с различной экспликацией ее сем

При сравнении переводов можно часто наблюдать различную выраженность и распределение сем. Этот уровень характеризуется такими трансформациями, как сужение, распространение и функциональная замена на уровне грамматики:

Пример 21.

<p>I ask all who are concerned with peace to rise to the level of events, and to trifle no more on the edge of the abyss, but to embrace the sacrifices and discipline of mind and body which the cause requires.</p>	<p>Я прошу всех, кто хочет мира, осознать серьезность происходящего, перестать терять время, балансируя на краю пропасти, взять себя в руки и пойти на те жертвы, которых требует от нас дело всеобщего спасения.</p>
--	--

25 ноября 1936

Речь посвящена вопросам безопасности Великобритании в условиях развития авиации и международной напряженности. У глагола «*to trifle*» есть значение «*терять понапрасну*», «*бездельничать*», но нет значения «*балансировать*». Переводчик производит добавление слова для того, чтобы избежать искусственной комбинаторики в русском языке и передать значение потенциальной опасности нахождения на «краю пропасти». При дословном переводе получилось бы «*терять время на краю пропасти*», что, во-первых, не передает в достаточной мере смысл, а во-вторых, выбивается из привычной сочетаемости. В английском, на наш взгляд, имеется в виду «*играть на краю пропасти*» или «*играть со смертью, ходить по острию ножа*». А в русском глагол «*балансировать*» подразумевает необходимость

балансировать, чтобы не свалиться.

Стратегия характерна для перевода развернутых метафорических сравнений:

Пример 22.

<p>It would be folly for us to act as if we were swimming in a halcyon sea, as if nothing but balmy breezes and calm weather were to be expected and everything were working in the most agreeable fashion.</p>	<p>Было бы глупо с нашей стороны в сложившейся ситуации перед лицом надвигающейся бури вести себя так, будто наша страна плывет по безмятежному морю, где нас не ждет ничего, кроме приятного ветерка и тихой погоды, и все складывается самым наилучшим образом.</p>
---	---

31 мая 1935

В этом примере переводчик решает воспользоваться приемом добавления. В оригинале использован присущий английской лингвокультуре исходный домен «*Sea*». Он характерен и для русского языка, переводчик решит ввести новый элемент «*перед лицом надвигающейся бури*», который делает метафору в переводе более логичной и привычной для носителя русского языка.

В данной группе интересен следующий пример, в котором имеет место интертекстуальность – стих Э. По «Юлэлей»: «*And my soul was a stagnant tide/ Till the fair and gentle Eulalie became my blushing bride*»:

Пример 23.

<p>Some of the newspapers are busy arranging a Liberal-Socialist pact. The blushing Liberal bride is to be wedded to the somewhat reluctant Socialist swain.</p>	<p>Некоторые газеты уже всю обсуждают перспективу соглашения между либералами и социалистами. Зардевшейся от смущения «либеральной невесте» прочат в мужья неотесанного «социалистического пастушка», и тот вот-вот с неохотой</p>
---	---

	согласится взять ее в жены.
--	-----------------------------

22 октября 1928

Использование интертекстуальности выполняет ту же функцию, что и конвенциональная метафора – обеспечивает быструю расшифровку образа и выбор подразумеваемых признаков. Данный пример демонстрирует такие трансформации как добавления и расширение. Вспомогательные субъекты не вызывают здесь никаких трудностей, но переводчик сталкивается с трудностями при переводе прилагательных. В случае с прилагательным «*blushing*» применяется переводческое добавление «от смущения». Для прилагательного «*reluctant*» в русском языке нет соответствий, которые бы передавали смысл, заложенный в контексте оригинала, поэтому переводчик прибегает к расширению, сопровождаемому лексико-семантическими и грамматическими функциональными преобразованиями, в результате которых образуется простое предложение. Следует отметить, что для русскоязычной аудитории отсылка к Э. По вряд ли очевидна, и метафора может восприниматься как совершенно оригинальная.

6. Полный перевод

Перевод с минимальными изменениями, не влияющими на образ, отношения между элементами метафоры и эмоционально-оценочную информацию. Такой перевод возможен при совпадении правил сочетаемости и традиций выражения эмоционально-оценочной информации в двух языках.

Пример 24.

Wise words, Sir, stand the test of time, and I am very glad the House has allowed me, after an interval of fifteen years, to lift again the tattered flag of retrenchment and economy...	Мудрые мысли проходят испытание временем, и я очень рад, что уважаемые коллеги дали мне возможность сейчас — пятнадцать лет спустя — вновь поднять истрепанный флаг бережливости и экономии...
---	---

13 мая 1901

В речи звучит критика в адрес военного министра Вильяма Бродрика в

связи с его планами по военной реформе. «Tattered flag» является отсылкой к призыву сэра Рэндольфа Черчилля в 1880-х гг. экономить расход бюджета. В данном примере наблюдаем полный перевод оригинальной метафоры. Хотя это и оригинальная метафора, которой как правило присуща многозначность в большей или меньшей степени, она не вызывает трудностей в понимании у носителя русского языка.

Чаще всего полному переводу поддаются так называемые генитивные метафоры (т.е. метафоры, выражаемые конструкцией с родительным падежом). Для наглядности приведем еще один пример перевода такой метафоры из речи, произнесенной в Палате общин, где звучит критика в адрес консерваторов:

Пример 25.

<p>Just at that very time you offer this bouquet of faded flowers of Victorian Liberalism <...></p>	<p>Именно в этот момент вы преподносите индийцам букет увядших цветов викторианского либерализма <...>.</p>
--	--

5 июня 1935

В других случаях наблюдается перевод с незначительными изменениями, обусловленными языковыми причинами:

Пример 26.

<p>He did not run away, he executed a strategic movement to the rear.</p>	<p><...> наш коллега вовсе не испугался нас с вами, а «предпринял стратегическое отступление».</p>
--	---

4 июня 1904

Пример взят из приветственной речи на праздновании столетия со дня рождения Ричарда Кобдена, члена либеральной партии. Речь идет об отказе Чемберлена принимать участие в обсуждении.

В данном примере, как в оригинале, так и в переводе реализуется широко распространенная метафора «*Politics is war*». Такая метафора имеет

место в обоих языках и зачастую реализуется схожим образом, как это демонстрирует данный пример. Проблем в распознавании метафоры и ее передаче на русский язык не возникает. При переводе перифразы «*movement to the rear*» используется прием сокращения, в тексте перевода находим «отступление». Однако ироничную оценку удастся передать посредством сочетания данного существительного с прилагательным «*стратегический*».

2.4. Общие закономерности перевода метафоры

Итак, на основании произведенного анализа в отношении проблем перевода метафоры можно сделать следующие обобщения:

Сценарий иного метафорического проецирования используется как для стертых метафор, фразеологизмов, метафорических перифраз, так и для оригинальных метафор. В первом случае его применение связано с проблемой сохранения смысла высказывания без нарушения принципов комбинаторики языка перевода (деметафоризация) и в случаях, когда у фразеологического соответствия в языке перевода иная образная основа (реметафоризация).

При переводе авторских метафор такой сценарий нежелателен, поскольку текст теряет выразительность оригинала. Однако использование данного сценария может привести к затуманиванию и даже искажению смысла в связи с многозначностью вспомогательного субъекта метафоры и невозможностью выделить подразумеваемые признаки, которые кладутся в основу метафоры. Проблемы могут возникать и в результате разной оценки главного субъекта, и в результате его несовместимости с вспомогательным субъектом в рамках культуры языка перевода.

Сценарий аналогичного метафорического проецирования тоже используется для разных типов метафор. В отношении стертых метафор и фразеологизмов данный сценарий применяется реже. Это обусловлено тем, что у фразеологизмов в разных языках меньше аналогов с одинаковой образной системой. В рамках данного сценария применяются стратегии в

зависимости от особенностей оригинала и желаемого результата в переводе.

Что касается авторских метафор, сценарий аналогичного метафорического проецирования предпочтительнее, так как он позволяет сохранить оригинальную образность, а зачастую и эмоционально-оценочную информацию. Для достижения этих целей используются различные стратегии, среди них: перевод метафоры сравнением, реметафоризация, перевод с различной экспликацией сем, перевод с изменением способа описания ситуации, модифицирующего отношения между элементами метафоры и перевод с наименьшими изменениями, когда никакие концептуальные и языковые традиции не вызывают серьезных проблем для передачи стилистических, ассоциативных, образных и смысловых особенностей оригинала.

2.5. Метонимии в речах Черчилля

Когнитивно-дискурсивный анализ речей Черчилля показал, что, хотя метонимии могут использоваться в риторической функции, их роль нередко второстепенна, во многих случаях они выполняют вспомогательные функции. В речах Черчилля метонимии встречаются довольно часто, но далеко не все из них выполняют риторическую функцию. В отличие от метафор, которые в рамках одной ИКМ могут образовывать разнообразные варианты, метонимии отличаются большей регулярностью, повторяемостью, но окончательный список метонимических механизмов выявить довольно трудно. В ходе анализа речей Черчилля с 1897 по 1942гг. были выделены наиболее регулярные метонимические отношения и характерные особенности использования метонимии в речах Черчилля.

2.5.1. Часть и целое

В данную группу входит ряд метонимий, построенных на отношениях части и целого. Эта категория является одной из самых распространённых и

легко идентифицируемых.

Пример 27.

The **keenest eye, the surest hand, the most undaunted heart**, must be offered and risked and sacrificed in order that we may attain - as we shall undoubtedly attain - that command and perfection in aerial warfare which will be an indispensable element, not only in naval strength, but in national security.

10 ноября 1913

Так же, как олицетворение – ведущая метафора в речах Черчилля, ведущая ИКМ для метонимии – «Человек». Данный пример иллюстрирует намеренное использование метонимии в качестве риторического приема. Здесь экспрессивность усиливается не только использованием собственно метонимии в качестве привлечения внимания к определенным характеристикам, но и использованием эпитетов, подчеркивающим данные характеристики.

2.5.2. Признаки и целое

В данную группу входят примеры, где признак или качество выступает вместо целого. Сюда же относятся метонимии «*материал вместо предмета*». Эта категория является довольно распространенной и позволяет оратору эксплицировать отдельные аспекты какой-либо сущности, напрямую ее не упоминая.

Пример 28.

Why should we break up the solid structure of British power, founded upon **so much health, kindness and freedom**, for dreams which may some day come true, but are now only dreams, and some of them nightmares?

24 апреля 1933

Приведенный пример демонстрирует использование метонимии в рамках ИКМ «Человек» как вспомогательного элемента метафоры «страна – это сооружение», благодаря чему достигается высвечивание нужных признаков и усиление убедительности.

2.5.3. Временно-пространственная соотнесенность

В данную категорию вошли все метонимии, построенные на отношениях принадлежности ко времени/месту, к которым можно отнести «место вместо события», «место вместо деятелей», «деятель вместо места», «время вместо события» и др.

Пример 29.

<...> a war of this kind will be more favourable to us than the sombre mass slaughters of **the Somme and Passchendaele**.

20 августа 1940

Использование названия места вместо события довольно широко представлено в английском языке в принципе. Так, в данном примере одна битва метонимически обозначается названием реки Соммы, при которой она произошла, а другая названием деревни Пашендейль, где велось сражение.

В речах Черчилля часто встречается метонимия «*the House*», «*the House of Commons*» в значении «члены палаты общин». Интересен случай, где Черчилль обыгрывает метонимическое употребление «*the House of Commons*»:

Пример 30.

I am a **child of the House of Commons**. I was brought up in **my father's house** to believe in democracy.

26 декабря 1941

Данный пример построен на метонимической игре слов. Отец Черчилля был членом палаты общин, поэтому понятия «*father's house*» и «*the House of Commons*» метонимически сближаются, а «*the House of Commons*» используется в том числе и по схеме «место вместо деятеля».

2.5.4. Причинно-следственные связи

К данной категории можно отнести паттерны «результат вместо причины», «причина вместо результата», или более конкретные, как «произведение вместо автора», «автор вместо произведения» и др.

Пример 31.

<...> I said to those who have joined this government: "I have nothing to offer but **blood, toil, tears and sweat**".

13 мая 1940

Одна из самых известных метонимий, в которой используется

метонимия «*результат вместо причины*». Метонимия в данном примере создает яркую образность физического и умственного напряжения, позволяя оратору воздействовать на воображение аудитории и вызвать тем самым эмоциональный отклик.

2.6. Стратегии перевода метонимии

В предыдущей главе подчеркивалось такое качество метонимии, как универсальность, с которым связано наличие или отсутствие трудностей при переводе. Хотя метонимии отличаются большей универсальностью, чем метафоры, нередко их перевод ставит перед переводчиком трудности, которые определяют выбор той или иной стратегии. Анализ примеров подтверждает мысль о том, что трудности перевода обусловлены тем, является ли метонимия универсальной для обоих языков: ряд метонимий, связанных с ИКМ «Человек», которая оказывается наиболее распространённой в речах Черчилля, переводится без особых проблем. Однако при каком-либо несовпадении языковой или культурной традиции без определенных изменений адекватный перевод осуществить невозможно. На основе рассмотренных примеров был выделен ряд применяемых стратегий, которые могут быть использованы в тех или иных случаях.

2.6.1. Полный перевод

Данная стратегия подразумевает сохранение выраженности элементов оригинала с наименьшими изменениями. Полный перевод возможен, когда переводимая метонимия является универсальной для обоих языков или попадает под универсальный паттерн, и когда совпадают культурно-языковые традиции. Чтобы продемонстрировать это, обратимся к примеру (31):

"I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat ".	«Все, что я могу вам предложить, – это кровь, кровь, тяжкий труд, слезы и пот ».
---	---

13 мая 1940

Почти дословный перевод метонимии в данном случае оказывается удачным и сохраняет все функции метонимии оригинала.

2.6.2. Перевод метонимии другой метонимией

Нередко при переводе метонимии приходится произвести замену образа в рамках одной ИКМ с целью соблюдения норм сочетаемости.

Пример 32.

In the last war millions of men fought by hurling enormous masses of steel at one another.	В прошлую войну миллионы солдат по старинке крушили друг друга, не жалея штыков и пуль.
---	--

20 августа, 1940

В целом, в данном переводе достигается прагматическая эквивалентность, несмотря на изменение образности: в оригинале создается образ войны, характеризующийся отсутствием продуманных тактик и стратегий. Однако полный перевод в данном случае оказывается невозможным стилистически, поскольку метонимия тесно взаимосвязана с метафорическим использованием слова «*hurling*». Переводчик прибегает в конкретизации метонимии и компенсации заложенного в метафоре смысла примитивных методов ведения войны. Для того, чтобы подчеркнуть устаревший метод военных действий, осуществляется добавление выражения «*по старинке*», хотя он, конечно, не вызывает в сознании аналогичных оригиналу образов.

2.6.3. Перевод метонимии метафорой

Иногда преобразования предложений, содержащих метонимию, приводят к созданию метафоры в той же ИКМ:

Пример 33.

< ... > our voice be heard in the councils of Europe , our Sovereign supported by the love of her subjects <...>.	< ... > что к нам по-прежнему прислушиваются европейские соседи , а наш монарх все так же горячо любим
--	---

26 июля 1897

Трудность в данном примере заключается не столько в метонимии «*our voice*», сколько в необходимости прибегнуть к трансформациям для перевода «*councils*», вызванного несовпадением объема понятий: в английском языке «*council*» может выступать в роли общего понятия со значением «административный орган». Переводчик прибегает к лексическим и синтаксическим трансформациям, в результате которых залог меняется на активный и в роли подлежащего выступает словосочетание «европейские соседи», в котором реализуется наделение стран человеческими характеристиками, в том числе способностью «*услышать*», и тогда перевод метонимии становится даже избыточным.

2.6.4. Эксплицирующий перевод

При такой стратегии наблюдается экспликация имплицитного элемента метонимии с целью пояснения. Подобная стратегия необходима при различиях языковой или культурной традиции, когда дословный перевод метонимии может привести к нарушению норм языка или неверной трактовке. Такая стратегия оправдана, когда метонимия не выполняет дополнительных функций и не несет изобразительно-выразительную нагрузку, так, например, «*the House*» нередко переводится как «*члены палаты общин*», «*government*» – «*члены правительства*».

Пример 34.

<p>Far away are the days of Locarno, when we nourished bright hopes of the reunion of the European family and the laying in the tomb of that age-long quarrel between Teuton and Gaul of which we have been the victims in our lifetime.</p>	<p>Далеко в прошлом остались дни конференции в Локарно, когда мы тешили себя надеждой, что нам удастся добиться воссоединения европейской семьи наций и навсегда похоронить давнюю вражду между тевтонами и галлами, жертвами которой мы уже стали однажды в недалеком прошлом.</p>
---	--

8 марта 1934

Без пояснения о том, что речь идет о конференции, читатель перевода

может не идентифицировать имплицитный элемент, что объясняется недостатком фоновой, контекстуальной информации.

2.6.5. Опускание

Данная стратегия сводится к опущению метонимического элемента высказывания. Она вполне оправдана при переводе тех многочисленных регулярных метонимий, которые не выполняют определенной риторической функции:

Пример 35.

Almost a year has passed since I came down here at your Head Master's kind invitation in order to cheer myself and cheer the hearts of a few of my friends by singing some of our own songs	Прошел почти год с того момента, как я принял любезное приглашение господина директора и приехал сюда, чтобы от души повеселиться и порадовать своих друзей , спев вместе с ними наши любимые песни.
--	---

29 октября 1941

Метонимии вроде «*heart*», «*soul*», «*mind*» используются настолько часто, что во многих случаях их риторическая значимость почти стирается, поэтому в целях сохранения традиционной комбинаторики вполне уместно передать только общий смысл высказывания.

Иначе дело обстоит с переводом метонимии, которая выполняет в речи определенную риторическую функцию, рассмотрим перевод *примера (27)*:

The keenest eye, the surest hand, the most undaunted heart , must be offered and risked and sacrificed in order that we may attain - as we shall undoubtedly attain - that command and perfection in aerial warfare which will be an indispensable element, not only in naval strength, but in national security.	Мы жертвуем лучшими из лучших , но эта жертва оправдана. Превосходство в воздухе необходимо не только для наших военно-морских сил, но и для всей оборонной системы в целом, — и мы, безо всякого сомнения, решим эту сложнейшую задачу
--	--

10 ноября 1913

Безусловно, дословный перевод в данном случае невозможен. Метонимия «*Определение + часть тела*» может использоваться в русском языке для обозначения человека, однако выступает, как правило, в роли прозвища какого-то определенного лица. В оригинале же такая схема используется для того, чтобы подчеркнуть исключительные качества группы

людей. Думается, что опущение метонимии в данном случае нельзя считать в полной мере адекватным, поскольку в оригинале метонимия несет определенную риторическую нагрузку, апеллируя к воображению и выполняя функцию создания выразительности и привлечения внимания аудитории, что теряется в переводе.

Анализ переводческих стратегий показывает, что не всегда бывает достаточным передать только общий смысл метонимии. Действительно, есть ряд возможностей преобразовать исходное выражение с большими или меньшими потерями, но важно, чтобы переводческое решение принималось с учетом риторической нагрузки метонимии, и, если метонимию оригинала сохранить не удастся, при необходимости, следует найти способ компенсировать потери.

Выводы по Главе II

1. Основные концептуальные сферы-источники, которые используются Черчиллем по отношению к разным целям для представления тех или иных проблем – это «Человек», «Путешествие», «Свет» и «Пламя».

2. Метафора выступает мощнейшим и очень широко задействованным риторическим средством в речах Черчилля. При сравнении оригинала и перевода бросается в глаза тот факт, что в тексте перевода чаще используется буквальное выражение смысла, а в тексте оригинала – иносказательное,

зачастую разворачивающиеся из языковых метафор.

3. В английском и русском языках много схожих концептуальных метафор, тем не менее, при переводе возникают проблемы на уровне языка и культурной традиции, связанные с конкретными метафорическими выражениями. Это отчасти обусловлено существованием определенных предпочтений в рамках той или иной концептуальной метафоры.

4. При переводе метафор возникают проблемы, связанные с сохранением смысла, образности, эмоционально-оценочной информации, способа описания ситуации и выраженности сем, а также элементов метафоры.

6. В речах Черчилля активно задействуется метонимия. Риторические функции метонимия может выполнять либо сама по себе, либо как вспомогательный элемент метафорического выражения.

7. Для метонимии выделяются основные группы паттернов, которые включают отношения между частью и целым, признаками и целым, временно-пространственную соотнесённость и причинно-следственные связи. Также было отмечено, что наибольшая регулярность метонимий наблюдается в ИКМ «Человек».

8. При рассмотрении переводоведческих проблем, делается заключение, что трудности перевода тесно взаимосвязаны с таким качеством метонимии, как универсальность. При переводе метонимии проблемы возникают в условиях различия использования тех или иных паттернов, стилистической несочетаемости эксплицитного элемента с имплицитным, недостатка фоновой информации.

9. Преобразования метонимии могут быть связаны с решением другой проблемы, не касающейся перевода собственно метонимии. Зачастую это обусловлено вспомогательной ролью метонимии в метафорическом выражении.

10. Среди стратегий перевода метонимий выделяется следующие стратегии: полный перевод, перевод метонимии другой метонимией, перевод метонимии метафорой, эксплицирующий перевод и опущение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе осуществлен анализ основных подходов к метафоре и метонимии как ведущих механизмов создания образности и выразительности в политическом дискурсе. Для этой цели была предпринята попытка объединить семантический и когнитивный подходы, что в итоге позволило рассмотреть метафору и метонимию не просто как тропы, но концептуальные механизмы, а также глубже раскрыть процесс метафоризации, понять природу вовлеченных в данный процесс элементов и выявить их взаимодействие. Переводоведческие проблемы метафоры и метонимии тоже рассматривались в свете семантики и когнитивной лингвистики, на основе анализа переводов были представлены возможные стратегии их решения.

Метафора в политическом дискурсе может выполнять такие функции, как передача эмоционально-оценочной информации, привлечение внимания аудитории, создание мифа, продвижение своей точки зрения, «высвечивание» или «затемнение» признаков. В речах Черчилля метафорическая образность связана с тремя основными сферами-источниками – «Человек»,

«Путешествие», «Свет». К особенностям употребления метафор Черчиллем можно отнести тенденцию использовать развернутые метафоры, в основе которых лежит регулярная концептуальная метафора, стертая метафора или фразеологизм, интертекстуальность. Проблемы перевода могут быть связаны с сохранением смысла, образности, эмоционально-оценочной информации, способа описания ситуации и высвечивания одинаковых элементов метафоры. Чаще всего использование тех или иных трансформаций обусловлено такими проблемами, как многозначность вспомогательного субъекта и различия в комбинаторике. Зачастую передать образ оригинала не представляет проблемы, однако в языке перевода оригинальный образ может быть интерпретирован противоречиво, если контекст не высвечивает тех признаков, которые подразумеваются в оригинальной метафоре. Проблемы сочетаемости также являются причиной различных трансформаций, нередко вызывая перестановку сем метафоры, что не препятствует передаче образности оригинальной метафоры.

Метонимия представляет собой очень распространенный механизм, который может быть использован в целях достижения риторического эффекта. Речи Черчилля богаты примерами метонимий, но далеко не все из них выполняют какую-либо риторическую функцию. Среди функций, которые метонимия может выполнять в политическом дискурсе, выделяются следующие: воздействие на воображение и создание ассоциативных связей, подчеркивание определенных характеристик предмета и затемнение других, привлечение внимания, вспомогательная функция в метафорическом выражении. В речах Черчилля выделяются основные группы паттернов, которые построены на характере отношений, лежащих в основе метонимии. Это могут быть отношения часть-целое, признак-часть, временно-пространственная соотнесенность и причинно-следственная связь. При переводе метонимии важно оценить риторическую значимость конкретной метонимии и, исходя из этого, выбрать адекватную стратегию. Проблемы перевода тесно связаны с универсальностью метонимии для обоих языков,

регулярностью тех или иных паттернов, различиями в культурной или языковой традиции выражения метонимии, стилистической сочетаемостью.

В целом, анализ показывает, что главным образом метафоры и метонимии позволяют оратору представлять события в определенном свете. Есть целый ряд повторяющихся общих моделей, которых Черчилль последовательно придерживается в своих речах. Выявление таких моделей позволяет выявить связанность тропов и их риторическую нагрузку, что оказывается важным при решении проблем перевода. Использование конвенциональных метафор и регулярных метонимий позволяет достичь простоты и действенности, в то же время Черчиллю всегда удается привнести некоторую оригинальность, обыграть по-новому что-то уже знакомое, благодаря нестандартной сочетаемости или неожиданному развитию мысли.

Список литературы

1. Barcelona, Antonio. Introduction. The cognitive theory of metaphor and metonymy in Barcelona, Antonio ed., Metaphor and Metonymy at the Crossroads. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 1-25.
2. Black, M. Models and metaphors: Studies in language and philosophy. – N.Y., 1962. – P.267
3. Black, M. More about metaphor//Metaphor and Thought. – Cambridge,1979. – P. 19-46.
4. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive power of metaphor. – UK, 2011. – P.52-77
5. Charterise-Black, J. Speaking with forked tongue: A comparative study of metaphor and metonymy in English and Malay phraseology //Metaphor and Symbol, 18 - 4 , – UK: Routledge, 2003. – P. 289-310
6. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. – UK: Routledge, 2004. –P.33
7. Croft, W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies. Cognitive Linguistics, 4, 1993. – P. 335-370.
8. Cuddon, J. A. "Tenor and vehicle". In: A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. – Oxford,1998. –P.904

9. De Beaugrande, R. Factors in a theory of poetic translating. Assen: Van Gorcum & Co. – 1978
10. Dirven, René. Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation, *Leuvense Bijdragen*, 1993. – P.1-28.
11. Fass, D. Processing Metonymy and Metaphor. – Greenwich: Ablex Publishing Corporation. – 1997
12. Feyaerts, Kurt. Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies. In Barcelona, Antonio ed. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads*. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 59-76.
13. Fodor, J. Concepts: Where cognitive science went wrong. – Broadbridge: Clarendon Press. 1998
14. Frisson, S. and Pickering, M. The processing of metonymy: Evidence from eye movement. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 25, 1999. – 1366-1383.
15. Grady, Joseph. Foundations of meaning: Primary metaphors and primary scenes. Unpublished Dissertation– Berkeley, 1997
16. Gutt, E. Relevance theory: A guide to successful communication in translation. – New York: Summer Institute of Linguistics, Inc. 1992.
17. House, J. Translation quality assessment: linguistic description versus social evaluation. *Meta*, XLVI 2 , 2001 – P.243-257.
18. Jackendoff, R. Languages of the mind. – Cambridge: MIT Press. 1992
19. Jackendoff, R. Languages of the mind. – Cambridge: MIT Press. 1992
20. Jakobson, R. and Halle, M. Fundamentals of language. – Berlin:Walter de GruytervGmbH & Co. 2002
21. Jakobson, R. and Halle, M. Fundamentals of language. – Berlin: Walter de GruytervGmbH & Co. 2002
22. Kemei, S. and Wakao, T. Metonymy: Reassessment, survey of accessibility, and its treatment in a machine translation system Memorandum MCCS_92_236 . – Las Cruces, NM: New Mexico State University, Computing Research Laboratory, 1992
23. Kövecses, Z. Metaphor in Culture, Universality and Variation. – Cambridge University Press, 2005. - P.82-173
24. Krings, H.P. Translation problems and translation strategies of advanced German learners of French. In J. House, & S. Blum-Kulka Eds. ,

- Interlingual and intercultural communication – Tubingen: Gunter Narr, 1986 – pp. 263-75.
25. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor, – Chicago, 1992
 26. Lakoff, G. Metaphors We Live By // G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, 2003.
 27. Lakoff, G. More Than Cool Reason// G. Lakoff, M. Turner – Chicago, 1989. – 237 p.
 28. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago, 1987.
 29. Larson, M. Meaning-based translation. – Lanham: University Press of America, Inc. 1998.
 30. Lowenberg I. Identifying metaphors//Foundations of language v.12,1975 – P.336
 31. Mandelblit N. The Cognitive View of Metaphor and its Implications for Translation Theory//Translation and meaning PART3. –Maastricht,1995.
 32. McAlester, G. The source text in translation assessment. In G. Anderman and M. Rogers Eds. , Word, text, translation. – Clevedon: Multilingual Matters Ltd. 1999 – P.169-175.
 33. Mio, J.S. Metaphor and politics. Metaphor and Symbol, 1997. – P.113-33
 34. Newmark, P. A textbook of translation. – Harlow: Pearson Education Limited. — 2000
 35. Nida, E. Toward a science of translating: With special reference to principles and procedures involved in Bible translating. – Leiden: E. J. Brill. 1964
 36. Nord, C. Translating as purposeful activity: Functional approaches explained. – Manchester: St. Jerome. 1997
 37. Radden, G. and Kövecses, Z. Toward a theory of metonymy. In K.-U. Panther & G. Radden Eds., Metonymy in language and thought – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 1999. – P. 71-59
 38. Reddy M.J., The conduit metaphor – a case of frame conflict in our language about language// A. Ortony Ed., Metaphor and Thought – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 284–310.
 39. Reiss, K. Translation criticism – The potentials and limitations: Categories and criteria for translation quality assessment. – Manchester: Jerome Publishing, 2000.

40. Riemer, Nick. When is metonymy no longer metonymy? In Dirven, René and Pörings, Ralf eds. *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2002 – P. 379-406
41. Salem al-Salem, R. *Translation of Metonymy in the Holy Qur'an: A Comparative, Analytical Study*. – King Saud University, 2008
42. Samuel, P. and Frank, D. *Translating poetry and figurative language into St. Lucian creole*, 2000. Retrieved on May 17, 2016 from http://www.saintluciancreole.dbfrank.net/workpapers/translating_poetry.htm
43. Seto, K. On the cognitive triangle: The relation of metaphor, metonymy and synecdoche. In A. Burkhardt and N. Norrick Eds. , *Tropic truth*. – Berlin: De Gruyter, 1996
44. Stern, G. *Meaning and change of meaning: With special reference to the English language*. – Connecticut: Greenwood Press, 1975
45. Vermeer, H. "Starting to unask what translation is about". *Target*, 10 -1 , 41. – 1998
46. Warren, B., *Referential metonymy.*, <http://lup.lub.lu.se/>. Lund University Publications. Web. 1 Apr. 2016.
47. Warren, Beatrice. The role of links and/or qualia in modifier-head constructions. In Nerlich et al ed. . *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language*. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 233-251.
48. Weisgerber, L. *Zweimal Sprache*. – Deutsche Linguistik, Düsseldorf: 1973
49. Wellek R., Warren A. *Theory of Literature*. — N.Y., 1949.
50. Алексеева И.С. *Введение в переводоведение*. – СПб, 2004.
51. Арнольд И.В. *Стилистика Современный английский язык*. – М.,2002
52. Арутюнова Н.Д. *Метафора и дискурс//Теория метафоры*. – М.,1990
53. Арутюнова Н.Д. *Функциональные типы языковой метафоры//Серия литературы и языка т.34, №4 – М.1978*
54. Баранов А.Н.*Введение в прикладную лингвистику*. – М., 2007
55. Беркнер С.С., Вошина О.Е. *Проблема сохранения индивидуального стиля автора и стиля произведения в художественном переводе//Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация №1*. – Воронеж, 2003.

56. Бродский М.Ю. Политический дискурс и перевод. // Политическая лингвистика 1 - 35 – Екатеринбург, 2011. – С.104-11
57. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: 1987. – С. 44-87.
58. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.1997.
59. Виноградов В. В. Стиль Пушкина». – М. 1945. – С.. 89.
60. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации. – Киев, 1988.
61. Выготский Л.С. Психология искусства. – М. 1968.
62. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. –Л. 1976.
63. Гак, В.Г., Львин Ю. И. .: Курс перевода. Французский язык. – М.:1970
64. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М., 1958
65. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб., 2000.
66. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.1984..
67. Дехнич, О.В. К вопросу о корреляции метафоры и языковой картины мира //Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – Тамбов, 2005.
68. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – Спб. 2008.
69. Касевич, В.Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности. – М.: Языки славянской культуры, 2013.
70. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика. – М.: 1980. – С.148
71. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Междунар. отношения, 1980.
72. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. –М. 2002.
73. Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории «СВОИ-ЧУЖИЕ» в экологическом дискурсе США, России и Англии. – Екатеринбург, 2005
74. Лапшина, М. Н. Семантическая эволюция английского слова изучение лексики в когнитивном аспекте. – Издательство С.-Петербургского университета, 1998
75. Лапшина, М.Н. Стилистика современного английского языка. – Спб.: Филологический факультет СПбГУ; -М.: «Академия», 2013

76. М. Блэк. Метафора. Перевод с английского М. А. Дмитриевской//Теория метафоры. – М.,1990.
77. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. – М.: 1977.
78. Пацора, И.В. О некоторых проблемах когнитивной стилистики//Университетские чтения ПГЛУ. – Пятигорск: 2013
79. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2007.
80. Ричардс, А.А. Философия риторики // Теория метафоры / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: 1990. – С. 44 - 67.
81. Рябых Е.Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе. – Тамбов. 2006.
82. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993
83. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка.– СПб. 1993. С. 150
84. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – Спб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
85. Степанов, Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965
86. Тарасов, Л.Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры / Л.Ф. Тарасов // Русский язык в школе. – 1980. – № 4. С. 64-67.
87. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой и др. – М.1988. – С. 173-204.
88. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку// Новое в лингвистике. Вып. 1. - М., 1960
89. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. - М.,1983.
90. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов // Вопр. когнитивной лингвистики. – М. 2004. – № 1. – С. 91-105.
91. Шарманова, О. С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник ИГЛУ. 2011. №1 -13, – Иркутск, 2011 – С.194-200.
92. Шаталов, Д.Г. Эквивалентность перевода метафорических выражений// ВЕСТНИК ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, - Воронеж 2007, № 1. – С.154-159

93. Швейцер А.Д. Теория перевода. – М., 1988. – С.133.

Список источников

1. Never Give In!: The Best of Winston Churchill's Speeches edited by Winston S. Churchill, Hyperion, 2003 – P.524
2. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля/Унстон Черчилль, Пер. с англ. – С. Чернин – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. –644с. + 16 с. вкл.

Словари

Словарь ABBYY LINGVO 12

Англо-английский словарь <http://www.macmillandictionary.com/>

Англо-английский словарь <http://www.thefreedictionary.com>

Англо-английский словарь <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>